
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877-1878 ГОДОВ
(БАЛКАНСКИЙ ТЕАТР)
Масштаб
30 0 30 60 км
в Галац
Бухарест
Черноводы
Дунай
Ольтеница
Кюстенджи
Силистрия
Туртукай
Виддин
Калафат
Р У М Ы Н И Я
Ольта
Журжево
Рущук
Лом Паланка
Турну
Рахово
Вылчедор
Искер
Зимница
Мечка
Никополь
Систово
Кара Лом
Канцелево
Базарджик
Алтемир
Вид
Разград
Плевна
Бела
Абланово
Д. Дубняк
Телиш
Г. Студень
Берковац
Порадим
Чаиркиой
Карахасаккиой
Г. Дубняк
Пелишат
Аязлар
Шумла
Варна
Враца
Радомирцы
Ловча
Тырнов
Джулин
Осман-базар
Осма
Яблоница
Сельем
Янтра
Елена
Орханиэ
Троян
Котел
Чурьяк
Б А Л К А Н С К И Е Г О Р Ы
София
Арабконак
Златица
Шипка
Шейново
Айдос
Ташкисен
Казанлык
Твардица
Сливно
Гор. Бугорово
Ханкиой
Бургас
Ихтимак
Джуранли
Эски-Загра
Ени-Загра
Ямболи
Кюстендиль
Т. Базарджик
Филиппополь
Марица
Ст. Белово
Карабунар
Тунджа
Кайбилар
Семенли-Тырново
О Т Т О М А Н С К А Я И М П Е Р И Я
РОДОПСКИЕ ГОРЫ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Кирк-Килиссе
Адрианополь
Мидия
Государственные границы
Крепости
в Константинополь

Валерий Чудов

БЕЛОРУССКИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

Минск
«Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі»
2015

УДК 087.5:94(476)”18”
ББК 63.3(4Беи)
Ч-84

Серия основана в 2012 году

Для старшего школьного возраста

Чудов, В.И.

Ч-84 Белорусский фельдмаршал : для ст. шк. возраста / В.И. Чудов. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 56 с. : ил. – (История для школьников).

ISBN 978-985-11-0879-0.

Книга посвящена Иосифу Владимировичу Гурко, единственному генерал-фельдмаршалу – выходцу из Беларуси, видному военачальнику 19 века, участнику многих героических битв, прославивших солдат и офицеров подвигами беспримерной храбрости.

УДК 087.5:94(476)”18”
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-11-0879-0

Гурко Иосиф Владимирович (28.07.1828, Могилёвская губерния — 28.01.1901), военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1894). Окончил Пажеский корпус (1846), служил в лейб-гвардии гусарском полку. Участник Крымской войны 1853—56 гг. В 1860—70-е гг. командир полка, бригады, в 1875—77 гг. начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1877 г. генерал-адъютант. В Русско-турецкую войну 1877—78 гг. командовал Передовым отрядом, который в июле 1877 г. перешёл Балканы и освободил значительную часть Южной Болгарии, однако под натиском преобладающих турецких войск был вынужден отойти, удерживая Шипкинский перевал. В сентябре—октябре 1877 г. начальник кавалерии Западного отряда, завершил окружение Плевны. В декабре 1877 г. во главе 70-тысячной армии снова перешёл Балканы, которые считались недоступными зимой, вступил в Софию. Разбил турков под Тишкисеном и Филиппополем (современный Пловдив), без боя занял Андрианополь. После войны помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, временный генерал-губернатор Петербурга (1870—80) и Одессы (1882—83). В 1883—94 гг. генерал-губернатор Привиленского края и Варшавы и командующий войсками Варшавского военного округа. С 1886 член Государственного совета Российской империи. С 1894 г. в отставке.

ПЕРВЫЙ ПОХОД ЗА БАЛКАНЫ

Уроженец Могилёвщины Иосиф Владимирович Гурко происходил из старинного дворянского рода Ромейко-Гурко. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов он проявил себя как талантливый и решительный полководец. Войска под его руководством совершили труднейший зимний переход через Балканы, повторив подвиг швейцарского похода Суворова через Альпы. Национальный герой Болгарии, освободитель Софии. Его именем названы улицы и города в Болгарии. Он награждён всеми орденами Российской империи, включая орден Андрея Первозванного[1], а также румынскими, болгарскими, сербскими, греческими. За боевые заслуги удостоен высшего воинского звания России — генерал-фельдмаршал[2]. Легендарная личность!

Звезда и знак ордена Андрея Первозванного с бриллиантами.

[1] Орден Андрея Первозванного (Императорский орден Святого апостола Андрея Первозванного) — первый по времени учреждения российский орден, высшая награда Российской империи до 1917 г. В 1998 г. орден был восстановлен как высшая награда Российской Федерации.

[2] Генерал-фельдмаршал — высший воинский чин в России с рубежа 17—18 вв. до 1917. По Табели о рангах — воинский чин I класса, равный генерал-адмиралу на флоте, канцлеру и действительному тайному советнику I класса на гражданской службе. Знаком различия был фельдмаршальский жезл, с 19 в. скрещённые жезлы стали изображаться также на погонах и эполетах у генерал-фельдмаршалов.

Александр Второй.

— Когда приехал, Иосиф Владимирович? — спросил император, выслушав доклад стройного, худощавого генерала.

У офицера было удлинённое лицо, высокий лоб, прямой нос и серые, глубокие глаза. Пышные бакенбарды срослись с густыми усами и раздвоенной русой бородой.

— Полтора часа тому назад, ваше императорское величество.

— Пообедали?

— Так точно.

— Узнаю гвардию, — сказал Александр Второй[3], обращаясь к Великому князю Николаю Николаевичу[4]. — Полтора часа как прибыл, а подтянут, мундир в порядке, сапоги начищены. К тому же и пообедать успел. Присаживайся, генерал.

Император показал на стул рядом с собой.

Генерал-лейтенанту Гурко было 49 лет, и он уже почти десять лет находился в свите царя, но впервые сидел рядом с ним.

— Быстро же ты добрался из Петербурга, Иосиф Владимирович. Главнокомандующий, — государь кивнул в сторону своего брата Николая Николаевича, — только недавно отправил телеграмму с вызовом тебя в действующую армию.

— Я выехал без промедления, ваше императорское величество.

— Похвально, генерал.

Они сидели у самого края обрывистого дунайского берега, на противоположной стороне которого виднелся собор, возвышающийся над болгарским городком Систовым[5], освобождённым от турок всего лишь несколько дней тому назад.

День клонился к вечеру. Стояла тёплая июньская погода.

---

[3] Александр II Николаевич (1818—1881), российский император (1855—1881) из династии Романовых.

[4] Романов Николай Николаевич (1831—1891), великий князь, военный и государственный деятель России. Третий сын императора Николая I.

[5] Систово (Свищов) — город в Болгарии, на правом берегу Дуная, между Никополем и Рущуком.

Великий князь Николай Николаевич.

Александр Второй был в добром расположении духа. Кампания начиналась хорошо. Переправа совершилась с малыми потерями, сопротивление турок было не очень упорным.

— Теперь всё это наше, — заметил император, указывая рукой на правый берег Дуная. — Там есть дело и для тебя, Иосиф Владимирович. По настоянию Николая Николаевича ты назначаешься начальником Передового отряда. Приказ я уже подписал. Твоя задача — постараться овладеть балканскими проходами. Подробности узнаешь в Главном штабе и у главнокомандующего.

— Благодарю за доверие, ваше императорское величество.

— Желаю тебе удачи, генерал, — сказал Александр Второй и, немного подумав, добавил: — и славы.

Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 года.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Въезд Великого князя Николая Николаевича Старшего в Тырново 30 июня 1877 года.

22 июня Передовой отряд численностью 12 тысяч человек выступил в путь. 25 числа Гурко собрал свои войска и обратился к ним с краткой речью. В заключение, указывая на видневшиеся вблизи Балканы, он сказал: «Видите эти горы? Вы орлами перелетите через них, вы покажете, что для русского солдата не может быть никаких препятствий!» Потом генерал обратился к офицерам: «Русский солдат никогда не покидал и не покинет своих офицеров, следовательно, если вы будете впереди, то и солдаты будут впереди. Если вы честно исполните свои обязанности, то и солдаты также честно исполнят свои. Итак, вперёд!»

В тот же день Передовой отряд освободил древнюю столицу Болгарии — Тырново. Турецкий гарнизон бежал, бросив обоз и орудия, едва загрохотали русские пушки и кавалерия пошла в наступление.

Жители радостно встречали освободителей. Восторг был всеобщий. Турки уходили в спешке, поэтому ни Тырново, ни его население не пострадало. Русский отряд расположился рядом с городом и отдыхал несколько дней.

Всё это время Гурко активно готовился к переходу через Балканы. Надо было найти такую дорогу, по которой могли бы пройти войска с артиллерией из Тырново в Казанлыкскую долину. Из расспросов местных жителей выяснилось, что существует лишь малоизвестная тропа, годная только для вьюков, ведущая на Ханкиойский перевал. Поэтому 28 июня первыми в горы отправилась небольшая конно-сапёрная команда для разведки и расчистки дороги. Основной отряд во главе с Гурко последовал за ней двумя днями позже. Переход оказался трудным. Крутой обрывистый подъём был загромождён

Шипкинский перевал.

огромными каменными глыбами, которые приходилось дробить кирками и сдвигать руками. Динамит не применяли, чтобы не выдать туркам своего присутствия. Дни стояли жаркие. Накалённый, разреженный воздух затруднял дыхание. Солдаты изнемогали от жары и усталости. Офицеры, сняв мундиры, с кирками и ломами пошли впереди отряда, своим примером ободряя подчинённых. В хвосте колонны волы тащили орудия.

1-го июля весь отряд Гурко уже находился на южном склоне Балканских гор, а 2-го вошёл в Ханкиойское ущелье. Перевал, который турки считали непроходимым для войск с артиллерией и конницей, был преодолён. Это ущелье турки, по своим суевериям, считали проклятым и заколдованным местом, где гнездятся злые духи, насылающие на путника всяческие беды и напасти, поэтому оставили его без защиты.

Застав неприятеля врасплох, русские разгромили турецкий гарнизон у деревни Ханкиой и продолжили движение вдоль Казанлыкской долины. У деревни Уфлани Гурко встретил отчаянное сопротивление турок, но преодолел его и занял Казанлык. После чего Передовой отряд вышел в тыл турецким силам, оборонявшим Шипкинский перевал, который уже несколько дней пытался захватить с севера ещё один русский отряд. Турки оказались отрезанными от основных сил, между двух огней. У них началась паника. Бросив свою неприступную позицию, орудия и боеприпасы, они бежали лесными тропами.

Нерегулярные турецкие военные отряды — баши-бузуки.

Отряд Гурко вошёл в деревню Шипка[6]. Соседние сёла и города, такие как Ески-Загра[7] и Калофер[8], поспешили прислать депутатов с изъявлением покорности и с известием, что турки сложили оружие в этих селениях и молят о пощаде.

На Шипке русские впервые столкнулись с варварством турок. На одной из площадок горы открылось зрелище, от которого становилось больно внутри. Турки, прежде чем покинули высоты, успели захватить в плен несколько раненых русских солдат и зверски изувечили их. В одном месте кучкой были сложены отрезанные головы, в другом — лежали два-три десятка голых трупов солдат и офицеров со следами пыток.

Гурко был возмущён и в донесении отметил, что на террор турок следовало бы ответить террором. Тем более что эти зверства происходили на глазах турецких офицеров, и делали их не черкесы и баши-бузуки[9], а солдаты регулярных войск.

После взятия Шипки главная квартира Передового отряда обосновалась в Казанлыке. Часть своих сил Гурко оставил в Ханкиойе, часть направил в Ески-Загру, на южный склон Малых Балкан. Целую неделю он собирал сведения

[6] Шипка — небольшой болгарский городок у южного подножия Балкан, который является своеобразными южными воротами на Шипкинский перевал. В память о погибших в боях за свободу Болгарии русских и болгарских воинах в Шипке в 1902 г. был возведён храм Рождества Христова. Архитектурный памятник был построен в стиле русского церковного зодчества 17 века. По стенам храма расположены мраморные плиты с именами офицеров и ополченцев, погибших в сражениях за Шипку. Кроме того, павшим посвящён Памятник Свободы, находящийся на вершине Шипка. Путь к монументу составляют почти 900 каменных ступеней. Памятник входит в перечень объектов парка-музея Шипка, на территории которого находится 26 исторических памятников — восстановленные землянки, батареи и позиции защитников Шипкинского перевала. Ежегодно 3 марта на скалистой вершине, которая носит имя Орлиное гнездо, устраиваются национальные торжества.

[7] Ески-Загра — город в Болгарии на южном склоне Караджадага (Малые Балканы), на прямом пути из Казанлыка в Семенли.

[8] Калофер — небольшой город, расположенный в долине реки Тунджа, у восточного подножия возвышения Стражата. Над городом возвышается вершина Ботев.

[9] Баши-бузуки — название нерегулярных военных отрядов в Османской империи, отличавшихся особой жестокостью и неподчинением командному составу регулярных войск.

Сдача крепости Никополь 4 июля 1877 года.

о турецких войсках: слушал доклады разведки и разъездов, беседовал с местными жителями, расспрашивал беженцев, допрашивал «языков». Картина складывалась неутешительная: с юго-востока двигалось огромное турецкое войско. Передовые отряды уже заняли Ени-Загру[10], основные силы шли по направлению к Ески-Загре. А отряду Гурко большого подкрепления не ожидалось, так как русская армия завязла под Плевной. Штурм этого города 8 июля оказался неудачным.

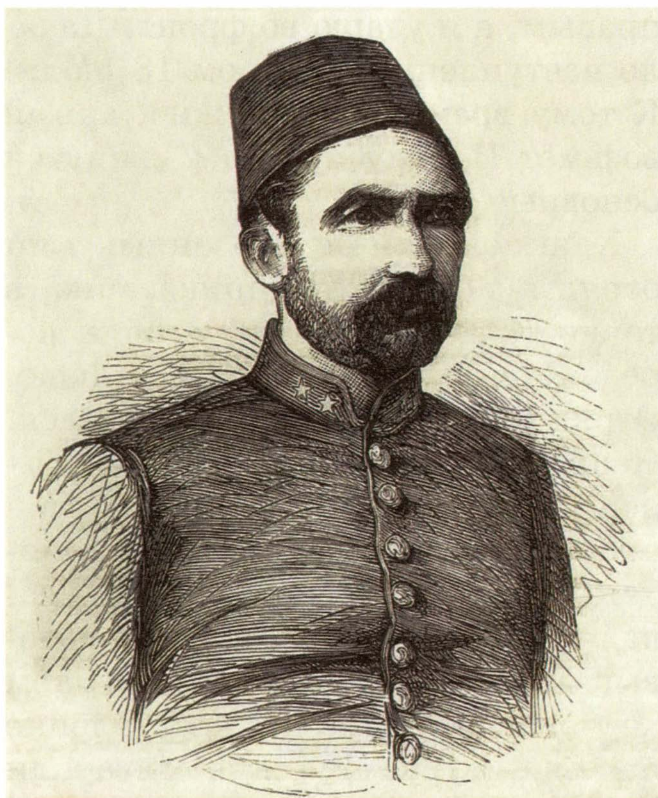
Гурко не знал, что его действия вызвали панику в Константинополе. Все высшие сановники Турции как в государственных учреждениях, так и армии были сменены, предположительный переход в наступление приостановлен, силы, выдвинутые к Рущуку, оттянуты назад, а из Черногории вызван Сулейман-паша[11] со своим войском, которому было поручено спешное формирование армии для противодействия отряду Гурко.

— Сулейман-паша — энергичный и предприимчивый полководец, — говорил генералу Гурко черногорский воевода Станко Радонич. — Я не раз имел с ним дело. Его войско привыкло в Черногории к тяжёлым горным переходам и поэтому его стоит ожидать в скором времени.

И действительно, пехота Сулеймана-паши шла форсированным маршем день и ночь от черногорских границ почти без пищи. Изнурённым солдатам, многие из которых были босые, дали только несколько часов отдыха. Затем Сулейман-паша обратился к ним с воззванием, говоря, что дело идёт о спасении падишаха, что проклятые русские хотят разрушить Стамбул и сжечь святую Софию, что все правоверные последователи Магомета, которые погибнут в этой борьбе, прямо попадут в рай, где будут наслаждаться вечными удовольствиями. Этого оказалось

[10] Ени-Загра (Нова Загора) — город в Болгарии у южной подошвы Малых Балкан, на железной дороге из Тырново-Семенли в Ямболь.

[11] Сулейман-паша (тур. Süleyman Paşa; 1838—1892), турецкий военачальник, генерал (1877). Вступил в армию в 1854 году. Окончил военное училище в Стамбуле (1861).

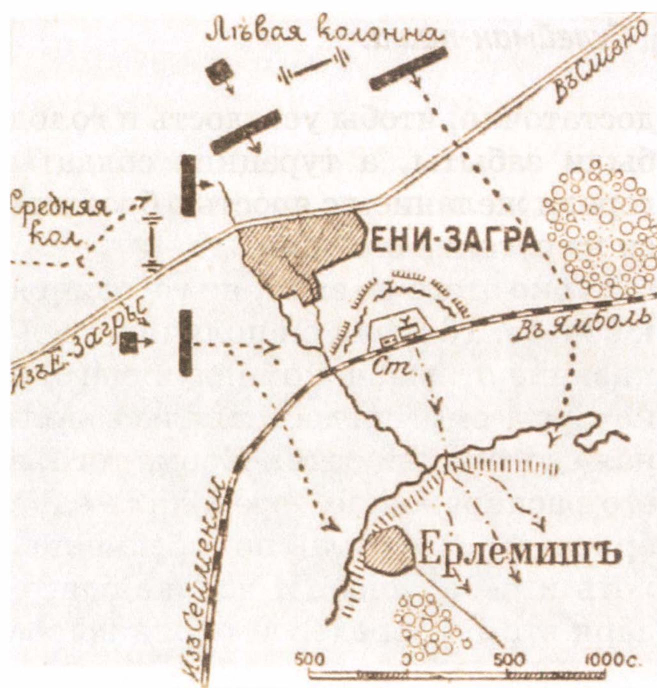

Сулейман-паша.

достаточно, чтобы усталость и голод были забыты, а турецкие солдаты горели желанием с яростью броситься на русские позиции.

Гурко этого не знал, но готовился к борьбе. 16 июля он получил предписание от главнокомандующего, в котором ему предоставлялась полная свобода действий. Кроме того, в его распоряжение переходила одна бригада. Это было подкрепление, хоть и небольшое. И всё же благодаря этому Передовой отряд вырос

Турецкие войска яростно атакуют русские позиции.

Ени-Загра на военном плане местности.

до 13 тысяч человек вместе с кавалерией и 32 пушками. Вечером того же дня Гурко собрал свой штаб.

— Сулейман-паша двигается на нас большими силами, — сказал он своим офицерам, — но они растянуты по территории. Этим обстоятельством мы и должны воспользоваться. Будем бить их по частям. Мне известно, что Ени-Загра уже занята противником, а до Эски-Загры турки ещё не дошли. По моим подсчётам будут там к 20 числу. Я принял решение: всеми силами навалиться на Ени-Загру, захватить городок, а потом двинуться к Эски-Загре и принять бой с авангардом Сулеймана-паши. Будем двигаться тремя колоннами: отряд из Ханкиойя атакует Ени-Загру левым флангом, части из Эски-Загры — правым, а я ударю во фронт. Начало наступления — утром 18 июля. К тому времени, возможно, армия возьмёт Плевну и к нам двинутся основные силы.

Ханкиойский и Казанлыкский отряды исполнили приказание в точности и 18-го утром стояли перед Ени-Загрой, готовые к бою. Отряд из Эски-Загры не появился. Неприбытие его можно было объяснить лишь тем, что он задержан неприятелем. Об этом косвенно свидетельствовали белые дымки на западе. Возможно, это были передовые части Сулеймана-паши. И тем не менее Гурко начал наступление на Ени-Загру. Русские охватили позиции противника полукругом и открыли сосредоточенный огонь из 24 пушек. К 12 часам вражеская артиллерия была подавлена. Черкесы и баши-бузуки, видя, что вскоре дело будет проиграно, бежали в горы, но регулярные войска держались стойко. Тогда Гурко бросил в бой стрелковые части. Поддерживаемые конной батареей, которая зашла в тыл неприятелю, русские бросились на турецкие укрепления с криком «ура!». Надо сказать, что турки не выдерживали русского «ура», обозначающего атаку в штыки. Обычно они встречали русских солдат убийственным ружейным огнём. Но, если русский солдат выдерживал огонь неприятеля и приближался к турку настолько, чтобы идти на «ура!», турецкий солдат падал духом, покидал позицию и спасался бегством. Так случилось и

В бой вступают русские стрелковые части.

под Ени-Загрой. Турки бежали, побросав ружья, снаряды, продовольствие, с одной мыслью — быстрее достичь гор. Чтобы облегчить бегство, они поснимали с себя куртки, сапоги, шаровары и даже рубашки. Громадное количество трупов, более 2000, покрыло всё поле, через которое им пришлось пробежать под страшным перекрёстным огнём русских стрелков и орудий. В укреплении было найдено 500 тел. По предварительным расчётам, русские и турки имели здесь одинаковое количество бойцов — по 7 тысяч.

После боя войска построились. На приветствие генерала «Здорово, молодцы, благодарю за ваше молодецкое дело!» солдаты радостно отвечали долго неумолкающим криком. Гурко поздравил всех с победой и приказал немедля собираться в путь, чтобы поспеть на помощь частям из Ески-Загры, судьба которых очень тревожила генерала и его штаб.

Часа через два по окончании сражения и после короткого отдыха отряд уже двигался по шоссе по направлению к Ески-Загре.

Ещё во время атаки на Ени-Загру Гурко знал, что позади него, у деревни Карабунар идёт бой, но не

Санитарный обоз для перевозки раненых солдат русской армии.

имел сведений о происходящем. К вечеру стало известно, что отряд под командованием герцога Лехтенбергского, выйдя 17 июля из Ески-Загры, встретился с большими силами турок и после короткого боя отступил обратно к Ески-Загре. Турецкие силы пошли дальше и остановились у селения Джуранлы. 19-го июля, на рассвете, туда подошёл отряд Гурко.

Наступало яркое, солнечное утро. Генерал Гурко слез с лошади и поднялся на высокий курган для наблюдения за неприятелем. У турок была весьма сильная позиция: они занимали опушку большого и густого леса, усилив в некоторых местах свой фронт земляными укреплениями. Между лесом и русскими позициями лежала поляна, поросшая

Ески-Загра. Военный план местности.

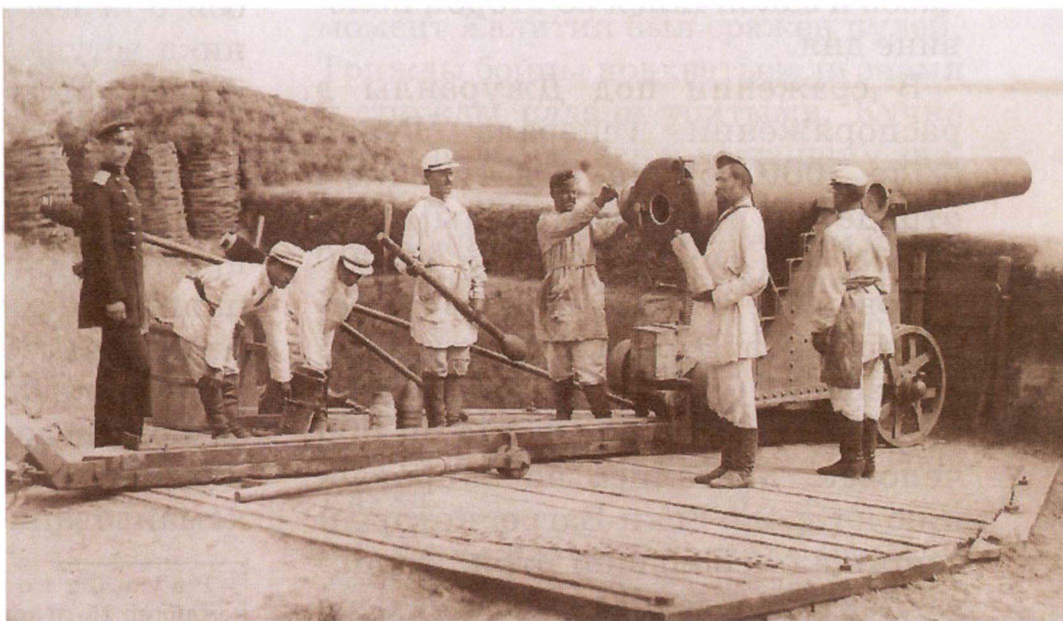
бурьяном, колючим кустарником, кукурузой и нескошенным хлебом.

Дело началось с артиллерийской перестрелки. Заметив на вершине холма блестящие мундиры и белые фуражки, турки направили туда свой огонь. Пришлось генералу и его штабу сесть на землю, чтобы не привлекать внимание, а конвою перейти в другое место. Гурко ждал, вдруг отряд из Эски-Загры ударит противнику в тыл, тем более, что расстояние надо пройти небольшое — шесть вёрст. Но турки дрались твёрдо, а это значило, что в тылу у них всё спокойно. Стало очевидно, герцог Лехтенбергский атакован и притом большими силами. Теперь генералу необходимо было во чтобы то ни стало разбить турок и потом идти на помощь своим. В бой начали вступать стрелковые части. К артиллерийской перестрелке добавилась ружейная. Турецкая пехота предприняла наступление. Засвистели пули над головами Гурко и его штаба. Напрасно окружающие уговаривали генерала сойти с кургана; он с невозмутимым хладнокровием, полулёжа на кучке подосланной соломы продолжал принимать донесения, раздавать приказания и отправлять в самый огонь ординарцев и вестовых. На многократные предостережения штаба Гурко один раз заметил суровым голосом, что от судьбы своей никуда не уйдёшь.

Вражеская атака была остановлена. Неприятель отошёл на прежние позиции. Активным огнём русская артиллерия вывела из строя все турецкие пушки и направила свой огонь на неприятельскую пехоту. Стрелковые части обошли врага с флангов и начали выдавливать его из леса.

В это время прибыли из Ески-Загры драгунский, гусарский полки и конная батарея с известием, что город атакован весьма сильным противником и, по всей вероятности, будет взят турками.

Тогда генерал, желая поскорей окончить дело и считая, что насту-

Русский артиллерийский расчёт готовится к бою.

пление достаточно подготовлено, приступил к решительным действиям. При поддержке артиллерии и кавалерии стрелковые полки пошли в атаку. Обстрелянные и дисциплинированные русские солдаты хладнокровно шли под огнём неприятеля, не производя ни одного выстрела, пока не подобрались к туркам на половину расстояния ружейного выстрела. И лишь затем начали целиться, сознательно и расчётливо, как на ученьях. Стреляя, они постепенно продвигались вперёд. Оказавшись на расстоянии 20—30 шагов от противника, стрелки с криком «ура!» бросились в штыки. Этой атаки турки не выдержали и обратились в бегство, побросав на месте оружие, боеприпасы, мундиры, сапоги и штаны. Лес был усеян трупами. Пленных оказалось мало, но убитых была масса; впоследствии выяснилось, что потери турок превосходили 4000 человек. Бой продолжался 7 часов и закончился во второй половине дня.

В сражении под Джуранлы в распоряжении генерала Гурко было 7000 бойцов, а в турецком отряде, по приблизительным расчётам, под ружьём стояли 12 000 человек, не считая черкесов и баши-бузуков. Это было правое крыло войск Сулеймана-паши. Основные силы турок, около 30 000 человек, двигались по направлению к городу Ески-Загре, который защищал небольшой отряд герцога Лехтенбергского (всего четыре

О.Е. Раух.

болгарские дружины и три полка кавалерии).

Утром 19-го июля одновременно с боем под Джуранлы здесь разгорелась жестокая схватка. Вначале в бой с передовыми частями противника вступили две болгарские дружины, потом к ним присоединилась ещё одна. Силы турок всё увеличивались, тем не менее болгары стойко держались на месте, отражая атаки превосходящих сил врага. Но турки шли и шли, их силы прибавлялись. К 12 часам от Гурко прибыл генерал-майор Раух[12], который прорвался под градом снарядов и пуль из-под Джуранлы. Он принял на себя командование отрядом, осмотрел

[12] Раух Оттон Егорович (1834—1890), командир 15-го армейского корпуса.

поле боя и, видя огромный перевес сил на стороне противника, решил отходить к ущелью, оставив для прикрытия две болгарские дружины. Эти дружины, ведомые русскими офицерами, с честью выполнили свою задачу. Расстреляв патроны, солдаты по несколько раз бросались в штыки и опрокидывали неприятеля, гибли десятками от губительного огня, не уступая ни на шаг своей позиции. Много полегло здесь болгар истинными героями, много пало русских, которые были их военными учителями и воспитателями. Во время штыковой атаки был убит знаменщик одной из дружин.

Х. Дмитров. Гибель подполковника П.П. Калитина.

П.П. Калитин.

Подполковник Калитин[13] подхватил знамя и с призывом «Ребята, знамя наше с нами! Вперёд — за ним! За мной!» поскакал на турок. В ответ ему болгары дружно грянули «ура!», в их рядах раздалась боевая песня, и они ринулись за командиром. В этот момент Калитин был сражён пулей. Трижды бойцы подхватывали знамя и трижды падали убитыми. Кучка турок подобралась к лежащему знамени и двое из них уже потащили его, но на них с остервенением кинулись болгары. После ожесточенной схватки они вырвали из рук неприятеля свою драгоценную святыню — первое болгарское знамя. Бойцы отступили только по приказу генерала Рауха.

[13] Калитин Павел Петрович (1846—1877), подполковник, командир 3-й дружины болгарского ополчения.

Памятник Герою Болгарии П.П. Калитину в г.Холм Новгородской области (Россия). 2007 год.

Столь упорная оборона дружинников ошеломила турок, и они приостановили наступление. Это дало возможность отряду, включая все болгарские дружины, уже в 2 часа дня организованно отойти к ущелью. Турки, дойдя до входа в ущелье, прекратили преследование. За ночь и утро русские вышли в долину реки Тунджи и прибыли в Казанлык. За три дня боёв Ески-Загрский отряд потерял 24 офицера и около 400 нижних чинов убитыми и ранеными.

В 3 часа дня замолкли последние выстрелы под Джуранлы. После того как часть отряда Гурко под руководством генерала Рауха ушла из Ески-Загра по ущелью, основные его силы (около 7000 человек) очутились перед лицом огромного войска Сулеймана-паши, которое находилось в 6—7 верстах от русских. Медлить было нельзя; требовалось скорое и энергичное решение.

Был жаркий день. Солнце безжалостно палило и жгло курган, на котором находился Гурко, его штаб и свита. К генералу подходили начальники частей с донесениями, что люди измучены от длинных переходов, изморены от двух сражений подряд, но самое главное, это — нехватка патронов и снарядов. Положение вырисовывалось критическое. Гурко отдал приказание: всем собраться у дороги и ждать. Когда войска собрались, генерал повёл их в сторону Ески-Загры. Сомнений не было. Русские наступали!

Отряд генерала Гурко остановился в трёх верстах от позиций турок и начал разворачиваться в боевую линию. Артиллеристы стояли при орудиях, стрелки рассыпались в цепь, драгуны, гусары, казаки гарцевали, сдерживая своих лошадей. Но позади орудий были лишь пустые снарядные ящики, у стрелков по восемь-десять патронов на брата, лошади кавалеристов еле держались на ногах. А перед отрядом виднелась

Затишье между тяжёлыми боями.

тёмная масса турецкого войска. Враг расположился вокруг города, занял окрестные холмы, широко растянулся кругом. Вся эта громадная сила готова была лавиной ринуться на русский отряд и задушить его. Однако турки не двигались. Молчали и русские. Целый долгий час стоял Гурко на одной из батарей, не отводя бинокля от глаз и не отдавая никаких приказаний.

Между тем солнце опускалось всё ниже и ниже. От холмов и деревьев вытянулись длинные тени. То и дело к Гурко подъезжали казаки с донесениями. Турки роют укрепления вокруг Эски-Загры. Идут усиленные оборонительные работы. Быстро темнело. Окружающие предметы бледнели и тонули в сумерках. Наконец наступила темнота. Гурко ждал её. Отряд тихо снялся с позиций и ушёл к селению Далбока у подножья Малых Балкан.

Ночь прошла спокойно. На рассвете Гурко собрал командиров и коротко бросил: «Будем уходить через горы. Немедленно».

Переход оказался трудным. Еле заметная тропа вела на высокую и крутую гору. Этот путь, сдавленный с двух сторон скалами, был до того тесен, что телеги и артиллерия едва умещалась на нём. Кроме того, он был весь завален камнями. Лошади отказывались везти орудия на крутизну, и полуголодные, измученные солдаты, взявшись за колёса пушек, с трудом тащили эти огромные тяжести. Было много раненых.

Гурко следовал весь день в хвосте отряда и только к вечеру, когда начался спуск с горы, обогнал колонну. Он не знал, что Сулейман-паша

в то же утро стал отводить свои войска к Карабунару. Очевидно, турецкий военачальник предполагал, что перед ним стояли основные силы русских, а два тяжёлых поражения подряд угнетающе подействовали на моральный дух его войска, поэтому он решил отступить и перегруппироваться. Таким образом, цель отряда — выигрыш времени — была достигнута в большей степени, чем предполагалась вначале.

Отряд Гурко благополучно достиг входа в Ханкиойское ущелье и здесь, отдохнув пару дней, стал окапываться, готовясь к отражению врага. Но в последних числах июля пришло приказание: «Отряду немедленно прибыть в Тырново». Забалканский поход был окончен. Передовой отряд расформирован. 1 августа генерал простился со своими войсками, а 3-го числа выехал в Россию, чтобы привести оттуда свою гвардейскую кавалерийскую дивизию на театр военных действий в Болгарию.

За свой Забалканский поход Гурко получил звание генерал-адъютанта и орден Святого Георгия 3-й степени.

Передовой отряд, возглавляемый генералом И.В.Гурко, блестяще выполнил поставленные задачи: захватил основные перевалы и почти на две недели остановил движение основных турецких сил. Он просуществовал недолго, но навсегда прославил русское оружие своим подвигом.

Лошади отказывались везти тяжёлые орудия в гору.

ПОД ПЛЕВНОЙ[14]

Э.И. Тотлебен.

12 сентября Гурко вместе со своей дивизией прибыл в Болгарию, о чём на следующий день доложил главнокомандующему.

— Государь болен лихорадкой, — объявил Николай Николаевич, — приезжай завтра, может он примет тебя.

Это был уже не тот император, которого Гурко видел после первого приезда в июне. Третий неудачный штурм Плевны 30—31 августа сильно подействовал на него. Он похудел, осунулся и был какой-то растерянный. После вялых разговоров о дороге, о потерях под Плевной государь вдруг заявил:

— Когда придёт гвардия, я намерен отправить тебя опять за Балканы, деблокировать Шипку. Само собой разумеется, что в этот раз ты будешь иметь отряд гораздо значительнее, чем в первый.

— Благодарю за доверие, ваше величество, — ответил Гурко, — это дело по мне.

Однако через несколько дней он узнал, что его хотят назначить начальником всей кавалерии Западной группировки. Эту новость ему сообщил генерал Тотлебен[15], только что прибывший в помощь главнокомандующему.

— Но мне совсем не хочется топтаться под Плевной со своей дивизией, — хмуро ответил Гурко. — Да и государь обещал мне дело за Балканами.

---

[14] Плевна — один из самых древних и важных городов на севере Болгарии.

[15] Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), граф, военный инженер, генерал-адъютант (1855), инженер-генерал (1869).

Император Александр Второй при осаде Плевны.

— Ну, это решение ещё не принято, — успокоил его Тотлебен, — а пока, Иосиф Владимирович, не согласитесь ли вы объехать со мной позиции войск?

После осмотра Тотлебен задал вопрос Гурко:

— Что бы вы могли посоветовать, генерал, для наших дальнейших, более эффективных действий?

— Перекрыть Софийское шоссе.

— Что ж, это совпадает с моим мнением. Надеюсь, Иосиф Владимирович, вы поддержите меня на совещании у главнокомандующего?

— Конечно.

Шоссе, которое вело из Плевны в Софию, являлось единственной и самой важной жизненной артерией для турок. Русская армия, взяв в осаду город с 45-тысячной армией Осман-паши[16], не смогла перекрыть Софийскую дорогу. По ней турки сообщались с Константинополем, получали боеприпасы, продовольствие, подкрепление войсками, вывозили больных и раненых. По ней они могли отступить на Балканы. Окружённый со всех сторон

[16] Осман Нури-паша (тур. Osman Nuri-paşa,1832—1900), известный просто как Осман-паша — турецкий маршал и военный министр. За военные успехи был удостоен почётной приставки к имени «гази» («победоносный»).

русскими и румынскими частями, Осман-паша приложил все силы, чтобы укрепить этот единственный спасительный для него путь. Укрепления, возведённые для защиты Софийского шоссе, начинались у самого города Плевна. Затем все селения вдоль дороги были заняты турецкими войсками всех трёх родов. Там были воздвигнуты редуты для артиллерии, выкопаны рвы и траншеи. Турецкие транспорты, двигающиеся по шоссе от селения к селению, прикрывались обычно густыми колоннами конницы и пехоты при орудиях, причём кавалерия держала по сторонам дороги разъезды для предупреждения неожиданного нападения. Едва показывалась где-нибудь вблизи русская или румынская кавалерия, пехотный конвой турецкого транспорта немедленно уходил с шоссе в сторону вместе с орудиями и выстраивался в боевой порядок. Тотчас же посылались гонцы за подкреплениями и, вдобавок, турки условными знаками давали знать в Плевну, что неприятель атакует. И тогда из Плевны выходили войска на помощь транспорту. Поэтому каждое селение на Софийском шоссе ежеминутно грозило превратиться в крепость и каждый пункт на этой дороге во время движения транспорта мог стать местом продолжительного и ожесточённого боя.

Осман Нури-паша.

Всё это знал Главный штаб, поэтому, когда Гурко рассказал великому князю грустную картину безграничного хозяйствования турок на Софийском шоссе, тот задал вполне логичный вопрос:

— Так что же по-вашему нужно делать, Иосиф Владимирович?

— Вдоль дороги самые мощные редуты построены в Горном Дубняке, Телише и Дольном Дубняке. Надо брать эти укрепления и замкнуть кольцо окружения Плевны. После этого турки вряд ли продержатся больше месяца без продовольствия и боеприпасов.

— Думаю, мы поручим это дело тебе, генерал.

— Здесь одной кавалерией ничего не сделаешь, — усмехнулся Гурко, — нужна пехота и артиллерия.

Осада Плевны. Вид на русские и турецкие позиции с юго-востока.

— Понимаю твой намёк. Ты ведь пока командуешь лишь кавалерией. Мы отдадим тебе всю гвардию, что находится здесь под Плевной.

— Но государь будет против.

— Надеюсь, он согласится для пользы дела.

И, действительно, 27 сентября Александр Второй дал согласие перевести всю гвардию под начальство генерала. Гурко никогда не спорил с Главным штабом, поэтому, получив приказание, он немедленно начал подготовку к будущему сражению. Прежде всего генерал занялся рекогносцировкой[17] местности и наблюдением за турецкими аванпостами. Кроме того, не все гвардейские части прибыли на место сбора.

Прошла неделя. 4 октября на совещании у императора, где присутствовал Гурко, было принято окончательное решение, что цель дальнейших действий под Плевной — полная осада города и пленение армии Османа-паши.

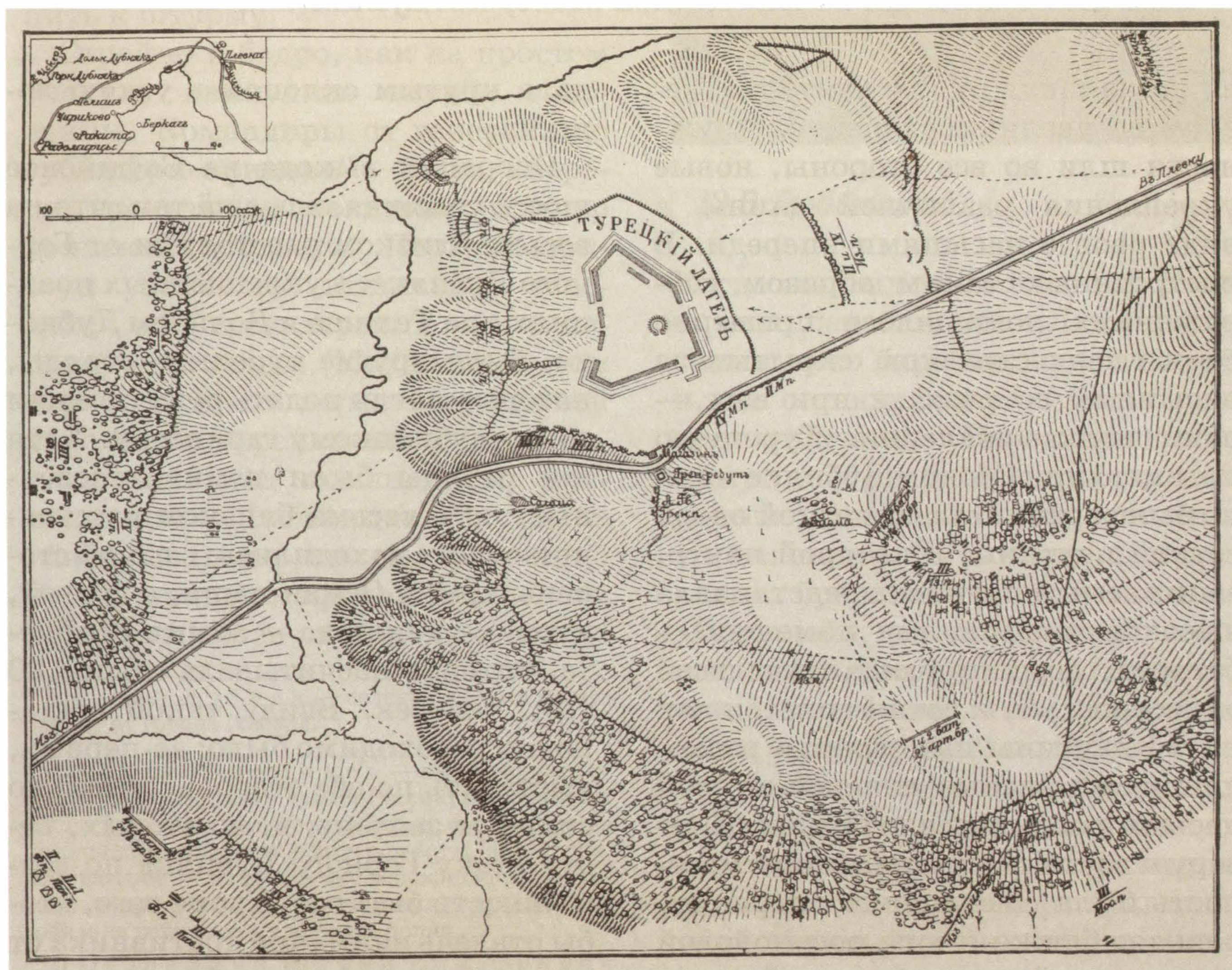
— Теперь дело за тобой, Иосиф Владимирович, — сказал Александр Второй и закончил совещание.

5 октября Гурко прибыл в селение Ени-Баркач и вступил в командование войсками гвардии и кавалерии Западной группировки. Генерал был хорошо известен гвардии. Он приобрёл репутацию разумного, знающего, строгого, даже сурового с виду и чрезвычайно энергичного начальника. Как человеку, ему отдавали дань глубокого уважения за прямоту и благородство характера, он высказывал истину, не взирая на лица и обстоятельства. Его личность служила предметом многочисленных рассказов и анекдотов, известных гвардии. Одно появление

[17] Рекогносцировка — здесь: предварительное обследование местности для предстоящих битв.

Гурко перед войсками уже производило на всех оживляющее впечатление, а затем нескольких соответствующих слов было достаточно, чтобы наэлектризовать массу. У него был неоценимый дар говорить с солдатами и офицерами простым и понятным для них языком.

Основной удар Гурко решил направить на Горный Дубняк. Здесь на двух высотах противник возвёл сильнейшие укрепления и образовал новую маленькую Плевну. Вершины, на которых располагались позиции турок, были обнесены круглым рвом глубиной около 2,5 метров. За рвом поднимался земляной вал высотой более 2-х метров; за валом, внутри укрепления, рядами выкопаны окопы с насыпями впереди и, наконец, в самом центре укрепления из необожжённого кирпича было устроено возвышение около 7 метров, на котором помещались батареи. От этого центра турецкой позиции

Военная карта, схематично изображающая турецкий лагерь при Горном Дубняке.

Атака лейб-гвардии гренадёрского полка под Горным Дубняком.

вниз, начиная от круглого рва, веером по увеличивающейся окружности шли во все стороны, новые укрепления различной длины в виде рвов с насыпями впереди. В построенных таким образом сооружениях помещалось примерно семь тысяч стрелков, скрытых за насыпями во рвах, и при них — один полк кавалерии. Турецкую позицию при Горном Дубняке можно было сравнить с выгнутой вверх сеткой паутины, в которой центр, занимаемый пауком, представляла высокая насыпь, где помещалась батарея, доминирующая над всей окрестностью, а сотни сплетённых нитей паутины изображали расходящиеся в разные стороны от этой насыпи ровики для стрелков. К северу и востоку от укреплений местность была совершенно открытая, ровная; ближе к югу рос молодой очень густой лес с обширной поляной. К югу и западу позиция спадала крутым склоном в узкую лощину.

Операция выхода на Софийское шоссе усложнялась ещё тем, что на весьма близком расстоянии от Горного Дубняка, в укреплённых позициях при Телише и Дольном Дубняке, были другие турецкие отряды, которые могли подать руку помощи горно-дубняцкому гарнизону. Хотя эти отряды были немногочисленные, но в весьма близком расстоянии от них находились: с одной стороны армия Осман-паши, с другой, к югу от Телиша, — армия Шефкета, которая насчитывала свыше 20 тыс. человек. Ввиду такой обстановки необходимо было: во-первых, выставить по обе стороны довольно сильные заслоны и, во-вторых, вести атаку Горного Дубняка по возможности быстрее. Кроме того, чтобы отвлечь внимание противника от главной цели, решено было сделать в этот же день одновременно с боем

две демонстрации: одну непосредственно против Плевны, другую — перед укреплениями селения Телиш.

12 октября в начале девятого утра начался артиллерийский обстрел Горного Дубняка[18]. К этому времени все войска генерала Гурко успели занять места согласно диспозиции. Турки были обложены с четырёх сторон. Залпы гвардейских орудий вскоре успели настолько ослабить артиллерийский огонь противника, что Гурко уже в начале одиннадцатого часа счёл возможным приступить к штурму.

Стройно и бодро, как на простом учении, двинулись вперёд гвардейцы. Командиры от генерала до субалтерн-офицера[19] были впереди, показывая солдатам пример воинской доблести. Первый приступ увенчался локальным успехом: лейб-гренадёрский полк овладел восточным (Малым) редутом и находящейся перед ним линией передовых укреплений. В этом наступлении под командиром, полковником Любовицким[20], была убита лошадь, но он, раненный двумя пулями, продолжал пешим порядком вести свой полк в атаку.

Ю.В. Любовицкий.

Когда же был убит шедший рядом с ним барабанщик, Любовицкий снял с него барабан, надел на себя и, не останавливаясь, бил сигнал «наступление». Через несколько минут лейб-гвардейское знамя победоносно развевалось над восточным укреплением. Турки, не выдержав удара, бросились в свой главный, «Большой», редут. Гренадёры преследовали неприятеля, но встреченные сильнейшим огнём вынуждены были вернуться в Малый редут.

Одновременно с гренадёрами другие гвардейские части вели атаку на турецкие позиции. Но во время этого движения неприятель открыл такой убийственный огонь, что держаться против него на открытом пространстве не было никакой возможности.

---

[18] Горный Дубняк — селение в 20 км к юго-западу от города Плевна.

[19] Субалтерн-офицер — в некоторых армиях, в том числе и в армии Российской империи общее название военнослужащих, состоящих на должностях младших офицеров роты, эскадрона, или батареи — то есть всех обер-офицеров, не командующих вышеперечисленными подразделениями и не работающих в штабе полка.

[20] Любовицкий Юлиан Викторович (1836—1899), командующий лейб-гвардии Гренадёрского полка, флигель-адъютант, генерал-майор (с 18.12.1877).

В.В. Мазуровский. Дело при селении Телише в 1877 году.

Нападавшие залегли. Артиллерия продолжила усиленную канонаду. Спустя некоторое время была повторена попытка штурма, также не увенчавшаяся успехом из-за сильнейшего ружейного огня, который обрушивался на солдат, когда они поднимались в атаку. Тем не менее некоторые российские части успели выиграть небольшое пространство впереди своего фронта. Гурко всё время был на передовой, несмотря на прицельный огонь по нему. Когда около двух часов дня он подъехал к одной из батарей, то главный редут был уже со всех сторон окружён гвардейцами, которые в некоторых местах приблизились к цели на расстояние в 100 шагов. Русская артиллерия продолжала бить по турецким позициям.

В то же время было получено известие, что у селения Телиш лейб-егерский полк вместо имитации пошёл в настоящую атаку на турецкие укрепления. Но силы были малы, а огонь убийственный, и егерям пришлось отступить на прежние позиции. Они понесли большие потери, тем не менее дело своё сделали. Турки в Телише уже и не помышляли идти на помощь своим в Горном Дубняке, они думали, как бы самим отбиться.

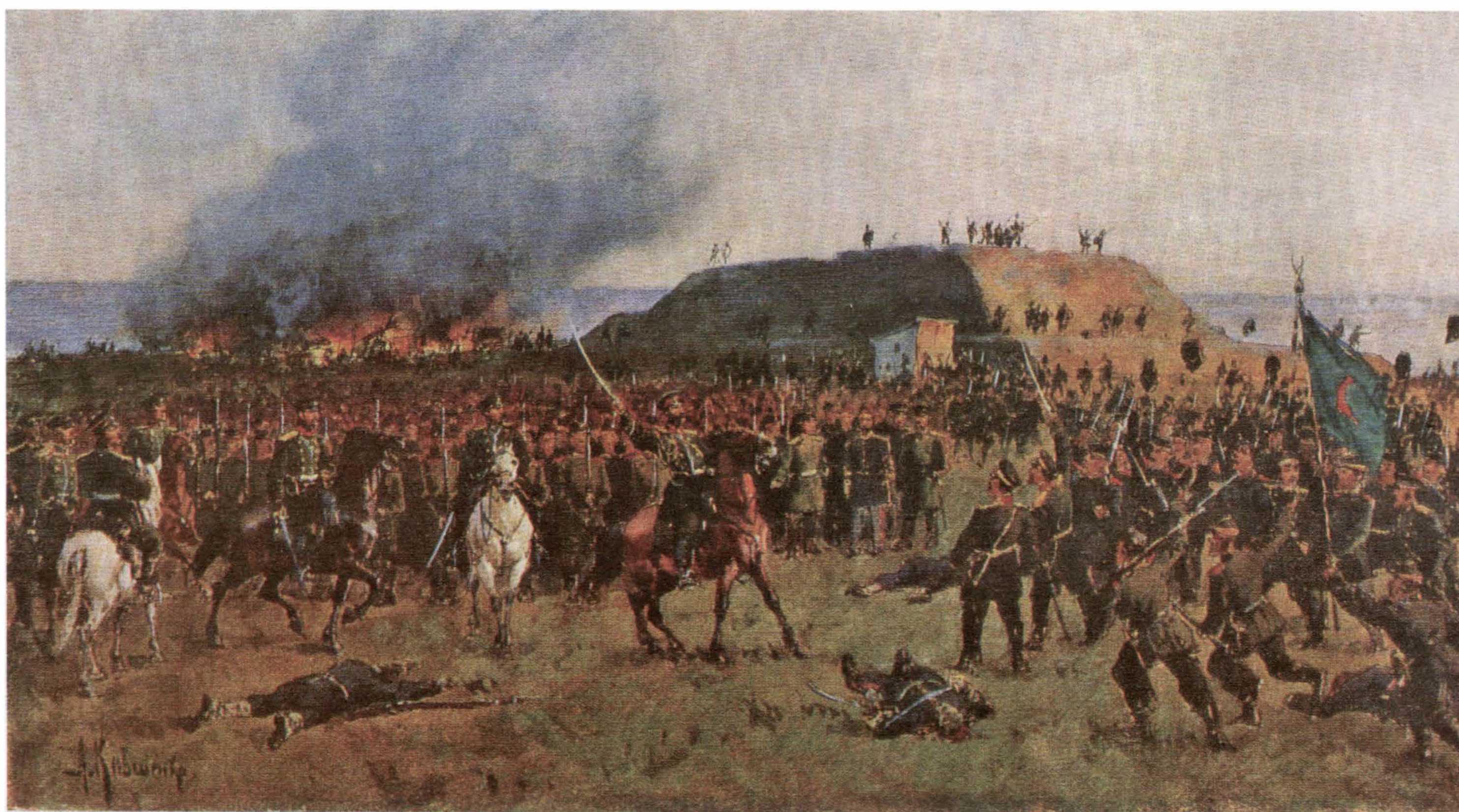
Так же и в Плевне атакованный артиллерийским огнём противник не решился выйти из города и помочь осаждённым. И в Дольнем Дубняке неприятель, видя перед собой предупредительно поставленный русскими заслон, не пошёл вперёд, боясь за свои укрепления. Гарнизон в Горном Дубняке остался один на один с русскими силами.

Несмотря на осеннюю пору, день был ясным и солнце сильно припекало. Люди уже значительно утомились, и потому в половине третьего часа в ожидании подхода резерва войскам был дан кратковременный отдых, передышка от перестрелки.

На три часа дня Гурко назначил ещё один штурм с условием, что

колонны пойдут в наступление по сигналу все вместе. Но из-за случайных залпов одновременности достичь не удалось. Последовал ряд отдельных, разобщённых между собой атак, которые попали под жесточайший огонь противника. Ни одной части не удалось вскарабкаться на бруствер за исключением горстки павловских гвардейцев, которые ещё раньше засели во рву под самой вражеской батареей. Остальные войска, продвинувшись вперёд, залегли за разными местными укрытиями, причём некоторые оказались в сорока шагах от редута.

К четырём часам дня выяснилась неудача всех отдельных попыток взять турецкие укрепления. Пришлось прекратить и артиллерийский огонь, так как снаряды могли попасть в своих. К исходу пятого часа вокруг Горного Дубняка наступило затишье. Ни русские, ни турки не стреляли. Вскоре начало смеркаться. Гурко решил продолжать штурм даже в это время. Используя сумерки, полки начали ползком подбираться к противнику. Около шести вечера лейб-гренадёры с музыкой и распущенными знамёнами по собственному порыву вдруг отчаянно ринулись на новый приступ. Сдержать их было уже невозможно. Полк с неумолкаемыми криками «ура!» устремился вперёд подобно грозной лавине. Не прошло и минуты, а первые солдаты

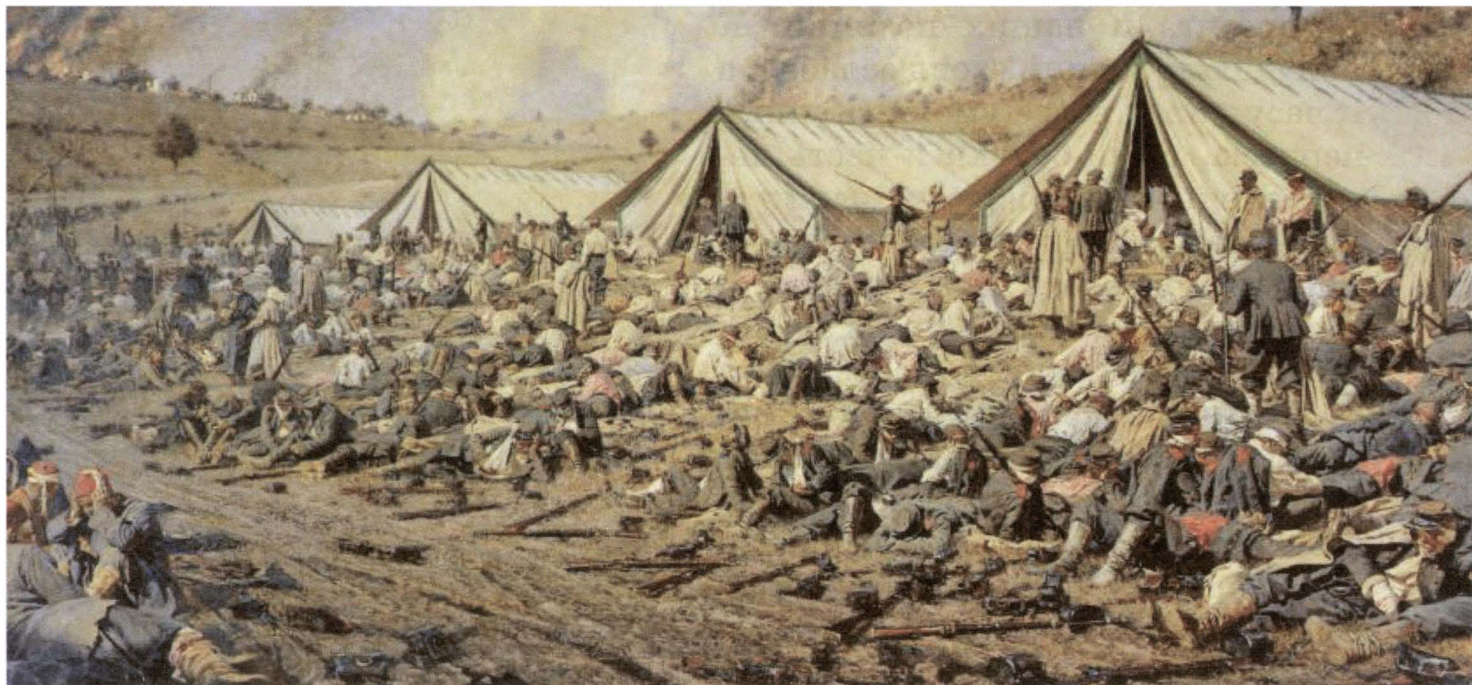
А. Д. Кившенко. Взятие Горного Дубняка в Болгарии. 1877 год.

уже карабкались на бруствер. Ещё мгновение — они проникли в укрепления. И пошла там внутри, в редуте, отчаянная штыковая работа. Услышав звуки «атака» и крики «ура», со всех сторон разом как один человек поднялись все штурмующие части и ворвались в редут. Бой холодным оружием ужасен. Прошло всего лишь несколько минут, а груды неприятельских трупов уже валялись во рвах, на бруствере и внутри укрепления. Запылали зажжённые выстрелами соломенные шалаши турецких солдат, и зарево большого пожара ярко осветило страшную кровавую картину. Раненые, убитые, лошади, оружие — всё горело. Пальба прекратилась. Над гребнем взятого укрепления победоносно развевалось лейб-гвардейское знамя. Командующий гарнизоном Ахмет-Хивзи-паша сам взял в руки белый флаг и вышел с ним на бруствер. Горный Дубняк был взят! Вместе с пашой сдались 53 офицера и свыше 2000 нижних чинов.

Гвардейцы приветствовали, поздравляли друг друга с первым

Момент жестокой схватки русских солдат с турецкими войсками.

В.В. Верещагин. После атаки. Перевязочный пункт под Плевной.

своим боем и первой гвардейской победой в этой войне. Когда Гурко въехал в толпу, кишевшую в редуте, солдаты, словно дети, с восторгом кинулись к нему и хватали его за стремя, колени, поводья.

— Скажите государю, что мы сдержали своё слово!.. Пущай не сумневается!.. Поддержим старую славу гвардии! — кричали они со всех сторон генералу.

14 октября Гурко прибыл в лейб-гвардии егерский полк, снял шапку и с низким поклоном сказал: «Спасибо вам, егеря! Вы мне сослужили большую службу. Если бы не ваша атака на Телиш, я бы не взял Горного Дубняка!»

Вырвав из оборонительной линии турок по Софийской дороге самое сердце этой обороны — Горный Дубняк, Гурко тем не менее находился между двух огней. С одной стороны — Дольный Дубняк, с другой — Телиш, который все ещё оставался в руках неприятеля.

Так же, как и Горный Дубняк, редут Телиш располагался на самом шоссе и имел такую же оборонительную систему. Генерал Гурко, основываясь на том, что тыл атакующих будет теперь обеспечен со стороны Горного Дубняка и что поэтому нет надобности спешить с Телишем, решил покончить с ним исключительно посредством артиллерийской канонады. В 11 часов утра 72 орудия охватили кольцом всё пространство, в котором лежали три телишевских редута. В начале 12-го часа русские орудия открыли сильный и сосредоточенный огонь по укреплениям противника. Турки отвечали, но их пули

не достигали наших позиций. К полудню турецкий огонь ослабел, а к часу дня и вовсе умолк. Конные черкесы, баши-бузуки и часть пехоты попытались было уйти из крепости, но лейб-уланы, заметив это, кинулись на них в атаку, настигли и порубили всех. В 13 часов турецкий гарнизон капитулировал. Эта победа досталась русским без потерь. В двух сражениях, 12 и 16 октября, были взяты в плен свыше 6000 человек пехоты, 5 эскадронов кавалерии, два паши и до двухсот офицеров.

Остался лишь один редут — Дольний Дубняк, укрепления которого были грознее и прочнее двух завоёванных. Взятие его было назначено на 22 октября, но произошло неожиданное: в ночь с 18-го на 19-ое турецкий гарнизон тихо снялся с места и ушёл в горы. Лишь 20-го октября русские разъезды обнаружили, что в редуте никого нет. В этот же день укрепления были заняты гвардейцами. Это было последнее сильное укрепление на Софийском шоссе. Теперь Плевна была блокирована полностью, со всех сторон. В течение 21—25 октября кавалерия уже пробиралась своими разъездами на север почти к Дунаю, на западе — за город Враца, на юге казаки подошли к подножью Больших Балкан. Не прошло и двух недель, а отряд Гурко уже господствовал почти над всей западной частью северной Болгарии. С тех пор турки стали называть генерала «грозный Гяурко-паша».

Наградное оружие с алмазами и надписью «За храбрость».

За бой под Горным Дубняком генерал-адъютант Гурко был награждён золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость». Но он не почил на лаврах, а тотчас же в двадцатых числах октября предложил проект похода через Балканы, чтобы разбить вновь формировавшуюся армию Мехмет-Али и деблокировать русские войска, расположенные на Шипке. Причём план этот основывался на точных расчётах.

ВТОРОЙ ПОХОД ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ

— Через Балканы зимой? — удивился главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич. — Это авантюра, Иосиф Владимирович.

Он одобрительно охватил взглядом ладную фигуру стоявшего перед ним генерала и продолжил:

— Теперь, когда до падения Плевны остались считанные дни, я так же, как и вы, считаю, что надо разворачивать гвардию на Балканы. Но лезть зимой через горный хребет — такой дерзкий план штаб не разрабатывал. Не буду скрывать, генерал, Плевна измотала наши силы. И, может, стоило бы после взятия этого укреплённого района дать отдых армии, отвести её на зимние квартиры? Укрепили бы перевалы, перегруппировались, а по весне развернули бы новое наступление.

— Я согласен с вами, ваше высочество, что солдату нужен отдых, но ведь и турки зря время терять не будут. Отмобилизуются, укрепятся и на наше весеннее наступление ответят ударом.

Главнокомандующий поморщился.

— Об этом будет думать штаб. Но о Балканах мне больше не говори.

— Ваше высочество, — продолжал настаивать Гурко, — позвольте хотя бы заручиться вашей поддержкой и создать плацдарм на будущее.

— Всё же, генерал, — вздохнул Николай Николаевич, — ты не теряешь надежды на переход через горы.

— Речь идёт лишь о первом этапе, ваше высочество.

— Хорошо, покажи на карте.

Главнокомандующий внимательно выслушал доклад офицера.

— А какими силами ты собираешься действовать, Иосиф Владимирович? Ты же понимаешь, все наши войска скованы здесь, под Плевной.

— Думаю развернуть наступление силами, которыми располагаю. Не дожидаясь падения Плевны.

— Что ж, не возражаю, — согласился великий князь, — думаю и штаб поддержит. Считай, что твоя задача, генерал, пока овладеть предгорным районом. Однако о переходе гвардии через зимние Балканы забудь.

Глаза Гурко заблестели, но он промолчал, понимая, что дальнейший разговор на эту тему бесполезен.

Д.А. Милютин.

А.М. Горчаков.

Однако вопрос о Балканах вскоре вновь всплыл. Вначале в беседе канцлера Горчакова[21] с военным министром Милютиным[22].

— Скажите, Дмитрий Алексеевич, скоро ли Дунайская армия перейдёт в наступление? — спросил министр иностранных дел у Милютина.

— Как только падёт Плевна, так и начнём широкое наступление.

— Ну, дай-то Бог. Не упустить бы время. Турки укрепляются, они уже ведут переговоры в Германии о поставках новой партии пушек. Королева Виктория[23], выступая в палате лордов, потрясала кулаками в наш адрес. Международная дипломатия давит на Россию.

Затем произошёл разговор Милютина с Гурко.

— Иосиф Владимирович, от главнокомандующего мне стал известен ваш план на зимние Балканы. И, хотя он с осторожностью к нему относится, я заинтересовался этой идеей.

— Ваше превосходительство, это не пустые слова. За хребтом турки усиленно готовятся к обороне. И если Сулейман-паша успеет

[21] Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), глава российского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи (с 1867).

[22] Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал-адъютант, граф (с 1878), русский военный историк и теоретик, военный министр (1861—1881), основной разработчик и проводник военной реформы 1860-х гг.

[23] Королева Виктория (англ. Victoria, имя при крещении Александрина Виктория, англ. Alexandrina Victoria; 1819—1901), королева Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии (1837—1901).

собрать достаточные силы, то весной сломать его будет трудно. А вокруг Софии образуется такой же укреплённый район, как Плевна.

— В этом я с вами согласен. Но зимний переход через горный хребет?...

— Задача трудная, ваше превосходительство, но я уверен — она по плечу русской армии.

— Вы хотите повторить Швейцарский поход Суворова? — улыбнулся военный министр. — Вот что, Иосиф Владимирович, изложите-ка свои соображения письменно, а я передам их государю. Честно говоря, план дерзкий, но если он будет принят, претворять его придётся вам. И отвечать тоже вам.

— Я готов, ваше превосходительство.

26 октября Александр Второй утвердил план Гурко с оговоркой «постараться занять горы, но дальше, через перевалы не идти, пока не будет взята Плевна». 3 ноября Западный отряд под предводительством генерала Гурко двинулся по Софийскому шоссе в направлении Балкан. Русские силы насчитывали 30 тысяч штыков, 5 тысяч сабель при 120 пехотных и 54 конных орудиях.

В селение Радомирец русские вошли свободно, турки поспешно бежали. Гвардия оказалась у подножья Балкан. Дальше было селение Яблоницы, которое отряд также занял без боя. Здесь остановились на постой. Впереди, на узле двух дорог лежало село Правец. Обе дороги вели в Софию: одна — через Орхание, другая — через Этрополь. Оба городка сильно защищены. Над Правецом, на девяти вершинах мощного кряжа, находились турецкие укрепления.

Королева Виктория.

Гурко разделил свои силы. Первая колонна под руководством генерала Эллиса[24] должна была идти по Софийскому шоссе прямо на Правец. Вторая колонна под командованием генерала Рауха получила задание обойти позиции неприятеля

[24] Эллис Александр Вениаминович (1825—1907), генерал от инфантерии, с 1889 года член Военного совета Российской империи, с 1896 года комендант Санкт-Петербургской крепости.

А.В. Эллис.

В.Д. Дандевиль.

справа и ударить по врагу с фланга, а если можно, зайти с тыла. Третьей колонне во главе с генералом Дандевилем[25] было предписано идти на Этрополь и произвести там демонстрацию, а в случае колебания противника перейти в наступление и овладеть городком. Вторая колонна выступила 9-го ноября и должна была появиться на вражеском фланге через сутки. Первая и третья колонны начали движение утром 10-го.

Позиция турок, которую нужно было брать первой колонне, располагалась на высоком кряже. Подошва горы состояла из каменных глыб. И лезть по ним под сильнейшим огнём неприятеля невозможно. Наступающих быстро перестреляют. Гурко принял решение поднять пушки на соседние высоты и оттуда громить турецкие укрепления, пока не подойдёт вторая колонна. А уж потом ударить совместно. Весь день и ночь 10-го ушли на то, чтобы поднять пушки на ближайшие к противнику кряжи. Это был огромный труд. Отсутствие дорог, лесистая крутизна и камни делали невозможным использование лошадей. Артиллерию втаскивали на руках. Солдаты выбивались из сил, однако к рассвету 11-го ноября шестнадцать пушек глядели на неприятеля с различных вершин. К десяти утра, когда рассеялся холодный туман,

---

[25] Дандевиль Виктор Дезидерьевич (1826—1907), участник Туркестанских походов, Венгерской компании 1842 г.

Русские солдаты на постое в болгарской семье. Литография.

горы огласились звуками орудийных залпов, которые удваивались и утраивались эхом. Канонада, не умолкавшая ни на минуту, продолжалась целый день. И весь этот день Гурко направлял бинокль в сторону левого фланга турок, но колонна Рауха не появлялась. Только в шестом часу вечера, когда первые полосы тумана протянулись между хребтами, на вершине, где располагались турки, раздались первые ружейные выстрелы. Вторая колонна подошла наконец-то к нужной точке атаки. Вместо определённых ей 24 часов она потратила свыше двух суток.

Путь, который прокладывала колонна Рауха, оказался очень тяжёлым и потребовал от солдат огромного напряжения сил. Он проходил через глубокие ущелья и овраги, через крутые подъёмы с одного хребта на другой. Гвардейцам приходилось несколько раз преодолевать быстрые горные речки. Дороги как таковой не было, иногда она переходила в узкую тропу, по которой едва могли пройти два человека рядом, а в одном месте её ширина была не более полуметра со скалой рядом. Однако они дошли к вечеру 11-го и завязали бой. С этой стороны турки не ждали русских. Они считали эти горы непроходимыми и потому даже не поставили там посты.

Наступивший вечер укрыл темнотой позиции противников. Прекратилась орудийная и ружейная

Атака добровольцев.

стрельба. Но в ту же ночь две сотни добровольцев из резерва поползли вверх по неприступным кручам к окопам, где засели турки. Ползли они в такой тишине, что неприятельский часовой услышал их лишь шагов за десять. С криком «ура!» гвардейцы бросились в штыки. Их поддержали с тыла бойцы Рауха, снизу на помощь шла первая колонна. Турки, как ошалелые, кинулись бежать в разные стороны. К утру укрепления Правеца были в руках русских. Дорога на Орхание[26], базу турецкой армии, была открыта.

Сильная позиция врага была взята с ничтожными потерями — **70** человек выбывших из строя. Это был важный стратегический результат. Обходное движение Рауха имело решающее значение: колонна появилась внезапно. Отряд Эллиса также исполнил своё назначение, он удержал турок на месте и отвлёк их внимание артиллерийским огнём, чтобы облегчить обход Рауха.

12 ноября генерал Дандевиль прислал донесение Гурко: его части заняли Этрополь, турки бежали. Третьей колонне потребовалось двое суток, чтобы овладеть городом. Вначале русские шли по хорошей прямой дороге до ущелья Малого Искера. Но тут в горах турки возвели редуты и укрепления, которые держали ущелье под перекрёстным ружейным и артиллерийским огнём. Сам Этрополь был защищён батареями, стоящими на высокой горе Святой Троицы позади города. При невозможности атаки с фронта генерал Дандевиль предпринял обходные маневры. Первая часть отряда пошла вправо от ущелья, карабкаясь по горам. Вторая часть двинулась тропой влево, заходя в тыл Этрополя. Третья часть осталась на месте, обстреливая снизу из орудий неприятельские редуты.

Правый отряд едва полз по лесным и скалистым тропинкам, таща за собой горные орудия. Весь день 10-го ноября ушёл на то, чтобы выйти в тыл редуту, расположенному на вершине крутой и обрывистой горы, суживающейся

[26] Орхание — город в Болгарии, до 1866 года Самунджиево, с 1934 года Ботевград. Находится в Софийской области, входит в общину Ботевград.

кверху. Её конусообразный пик заканчивался белым заснеженным остриём. Бойцы прозвали эту гору «Орлиным гнездом». К вечеру, когда отряд наконец-то обошёл гору, 120 добровольцев во главе с двумя офицерами вызвались подняться наверх и завладеть редутом. На вершине дул резкий, холодный ветер, огонь по врагу. Турки повернули назад и ринулись вниз, соскакивая с крутых камней, срываясь с обрывов. Занятие «Орлиного гнезда» позволило русским продвинуться дальше по горным вершинам и в дальнейшем открыть огонь по позиции турок, господствующей над дорогой в Этрополь.

Перевозка русской артиллерии на волах.

поэтому турки оставили здесь одного часового, а сами спали на противоположной стороне. Цепляясь за камни и кусты, гвардейцы карабкались к редуту по склону, откуда враг не ждал нападения. Метров за 100 они были замечены часовым. Разбуженные турки бросились бегом от своих костров к редуту, но часть русских солдат ворвалась в укрепление раньше и открыла

Левая же часть колонны Дандевиля обошла козьими тропами вокруг горы Святой Троицы и позади неё обнаружила дикий кряж, который по своей неприступности даже не был занят турками. Именно туда решено было втащить пушки, чтобы обстреливать укрепления на горе Святой Троицы и Этропольскую равнину. Однако ни дорог, ни сносных тропинок для подъёма не оказалось,

а лошади не могли идти по обрывистой крутизне. На помощь пришли болгары. Орудия сняли с лафетов, положили на двухколёсные арбы и при помощи волов потащили вверх. Но, оказалось, по крутым склонам даже волы не могли продвигаться. Пришлось гвардейцам вместе с болгарами тащить пушки на руках. Утром 12 ноября с этого кряжа был открыт огонь по горе Святой Троицы. Турки, едва завидев наши орудия на господствующей высоте, с неимоверной быстротой очистили все горы, которые держали в своих руках, подожгли свой лагерь у Этрополя и бросились бежать по направлению к перевалу Араб-Конак, боясь быть окончательно отрезанными. Драгуны преследовали их, захватили три орудия, 300 повозок.

В результате трёхдневных боёв (10—12 ноября) всех частей отряда Гурко русские овладели проходами на Балканы. Колонны Эллиса и Рауха, сбив турок с Правецкой позиции, открыли вход в Орханийскую долину. Войска Дандевиля заняли весьма важный стратегический пункт — город Этрополь, откуда вели дороги на перевалы Араб-Конак, Шандорник и Златицкий.

13 ноября генерал Гурко торжественно въехал в Этрополь. Его встречала болгарская делегация с хоругвями, крестом и хлебом-солью. Толпы горожан восторженно приветствовали своих освободителей.

П.О. Ковалевский. Генерал Иосиф Гурко на Балканах. 1891 год.

В.В. Верещагин.
Русские позиции на Шипке.

После благодарственного молебна Гурко обратился к жителям Этрополя и окрестных сёл с воззванием:

«Болгары! Нам предстоит сделать последний напор на турок и перейти Балканы, где они держаться не могут. Вы должны помочь нам везти орудия, нести тяжести, заряды, сухари через горы. Заплачено будет всем, но главная ваша награда будет избавление от турок навсегда. Вам теперь трудно, но русским труднее; они терпят для вашей пользы, а вы для своей. Пройдёт тяжёлое время, и вы будете благодарить Бога за сделанное».

После занятия Правеца и Этрополя турецкий главнокомандующий не счёл возможным оборонять Орхание и отвёл свои войска к Араб-Конаку. 17 ноября части отряда Гурко без боя вошли в бывшую базу турецкой армии — Орхание.

Оставив Этрополь, турки отступили на хребет Балкан и заняли перевал на горе Шандорник, где возвели 7 редутов. Рядом они укрепили Златицкий перевал. Путь на Софию по шоссе через перевал Араб-Конак противник также запер оборонительными сооружениями. Турецкие укрепления, обороняющие Балканские перевалы и открывающие путь на Софию, представляли собой цепь фортификационных сооружений,

Батарея по линии Шандорник – Араб-Конак. 1877 год.

расположенных на вершинах гор. Они были сильны и многочисленны. Важнейшим пунктом неприятельской позиции был Шандорник, господствовавший над всей окружающей местностью. С захватом его открывалась внутренняя часть почти всех турецких укреплений. Стратегическим ключом был перевал Араб-Конак, от которого отходили пути отступления на запад к Софии и на юг к расположению основных войск Сулеймана-паши.

17 ноября русские заняли Златицкий перевал, куда шла вьючная тропа, непроходимая для артиллерии. Здесь у турок был редут и небольшое количество войск. Дальше русские не пошли, лишь окопались в ожидании подкрепления. 18 ноября колонна Эллиса подошла к перевалу Араб-Конак и заняла высоты по обе стороны Софийского шоссе. 19 ноября отряды Рауха и Дандевиля закрепились перед перевалом Шандорник. К 20 ноября русские войска под руководством Гурко утвердились на высотах Балкан против всего фронта турецких позиций. Все приготовления к штурму были сделаны.

Однако именно 20-го генералу Гурко поступило предписание от главнокомандующего: «остановить все наступательные действия, всякое движение вперёд до разъяснения обстановки». Оказалось, что на левом фланге российской армии

О.-Ф.К. Гриппенберг.

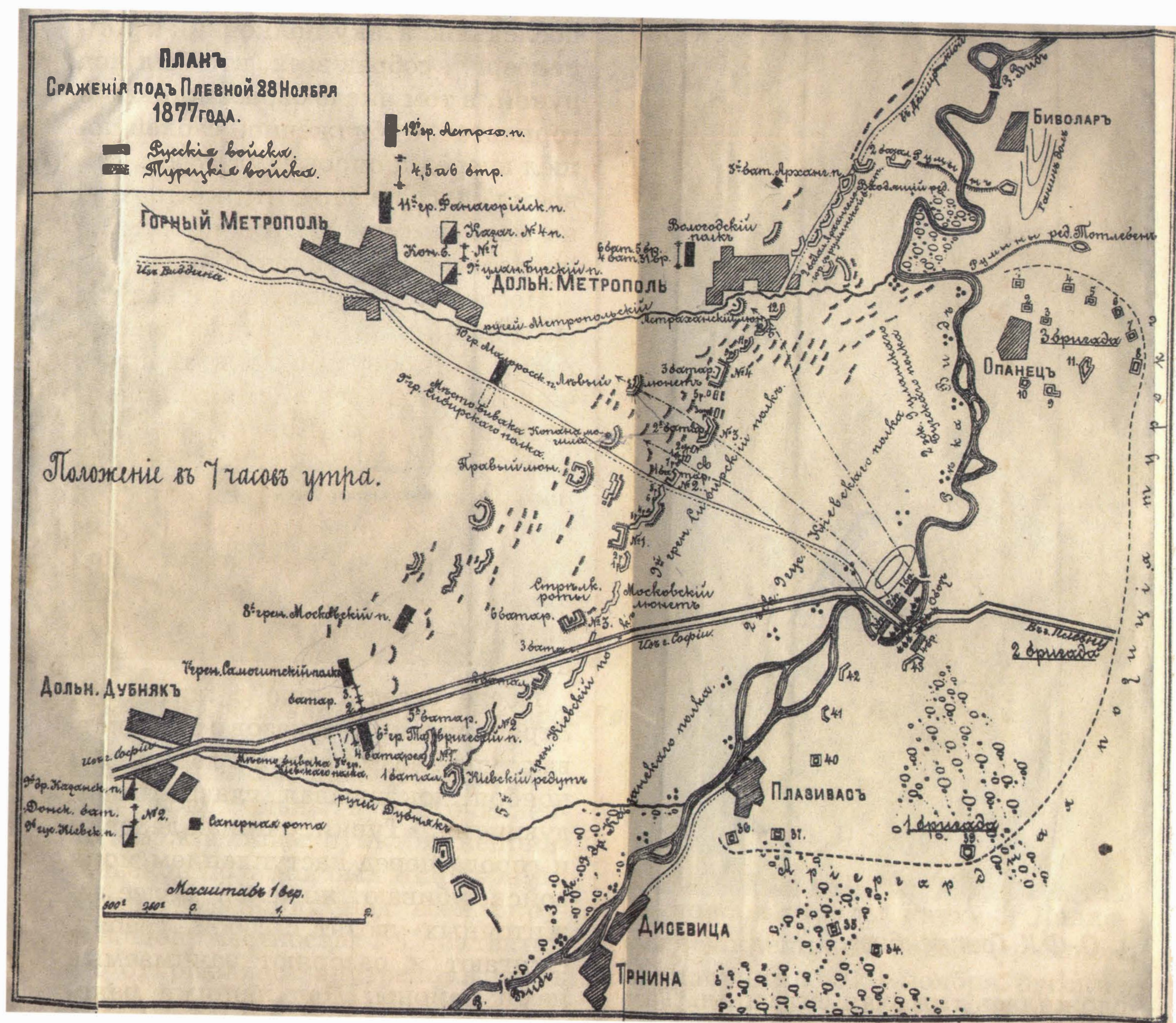
сложилась тяжёлая ситуация. Там турки начали наступление, и туда ушли все резервы. Основные же войска по-прежнему были скованы Плевной.

21 ноября турки предприняли атаку на наши позиции у Араб-Конака. Бой на одной из высот длился 5 часов. Противник в три раза превосходил по численности русский отряд. Трижды он бросался на защитников и трижды был отбит. В последнюю атаку полковник Гриппенберг[27], собрав всех, кто был под рукой, в том числе барабанщиков и горнистов, с обнажённой саблей пошёл вперёд и опрокинул турок. Вовремя подоспевшее подкрепление не дало возможности неприятелю продолжать наступление.

После этого турки уже ни разу не предпринимали серьёзных наступательных операций. К двадцатым числам ноября вся линия Балкан от Златицы до Араб-Конака была под контролем отряда Гурко. Обе стороны продолжали удерживать свои позиции до прибытия к русским подкрепления после падения Плевны, когда появилась возможность перейти в решительное наступление.

После бесед Гурко с жителями Этрополя и их рассказов о бесчинствах турок возмущённый генерал 23 ноября докладывал главнокомандующему: «Турки, очищая деревни и города перед наступлением моих войск, убивают жителей, более зажиточных увозят с собой, грабят, сжигают и разоряют занимаемые нами районы. Над нашими ранеными, случайно попадающими в их руки, продолжают неистовствовать. Прошу разрешения объявить и приводить в исполнение репрессивные меры. Думаю, что террор надо уничтожать террором же».

[27] Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович (1838—1915), российский генерал от инфантерии (1900), участник Крымской войны (1853—1856), Туркестанских походов (1866—69), командующий 2-й Манчжурской армией в Русско-японской войне (1904—1905).

План легендарного сражения под Плевной.

Время остановки отряда Гурко не было временем отдыха, напротив, войскам пришлось испытать множество лишений. Сырая, дождливая погода с сильным, пронзительным ветром, господствовавшая весь ноябрь, в конце месяца сменилась морозами. Настала зима со снежными метелями и бурями. Войскам пришлось пережить все ужасы и невзгоды зимнего времени на вершинах диких, неприступных гор. Все позиции были засыпаны снегом, обильно выпадавшим и мало-помалу покрывавшим землю толстым слоем, местами до двух

метров. Несмотря на ужасную погоду и скудное питание, от людей требовались огромные усилия для исполнения множества работ. Приказом по отряду было предписано, не теряя ни минуты, приступить к укреплению позиций таким образом, чтобы они сделались неприступными. А это означает — строительство редутов, брустверов, окопов и, кроме того, ещё и землянок для войск.

В таких тяжёлых условиях проходил день за днём. Холод, голод, вьюги, тяжёлые работы, бессонные ночи и постоянное напряжение изнуряли людей. Постройка укреплений, сторожевая служба, прокладка дорог, борьба со снежными метелями и заносами наполняли дни томительного ожидания, когда можно будет спуститься, наконец, с неприветливых гор.

Неизвестно, каких бы жертв ещё потребовала от русских суровая зима в горах, но радостная весть о падении Плевны и о том, что к отряду Гурко идёт большое подкрепление явилась как избавление от положения, становившегося день ото дня невыносимым.

28 ноября 1877 года сорокатысячный турецкий гарнизон Плевны во главе с командующим Османом-пашой сдался, а уже 30 ноября на совещании у императора было принято решение выделить генералу Гурко подкрепление, достаточное,

Последний бой под Плевной 28 ноября 1877 года.

Падение Плевны.

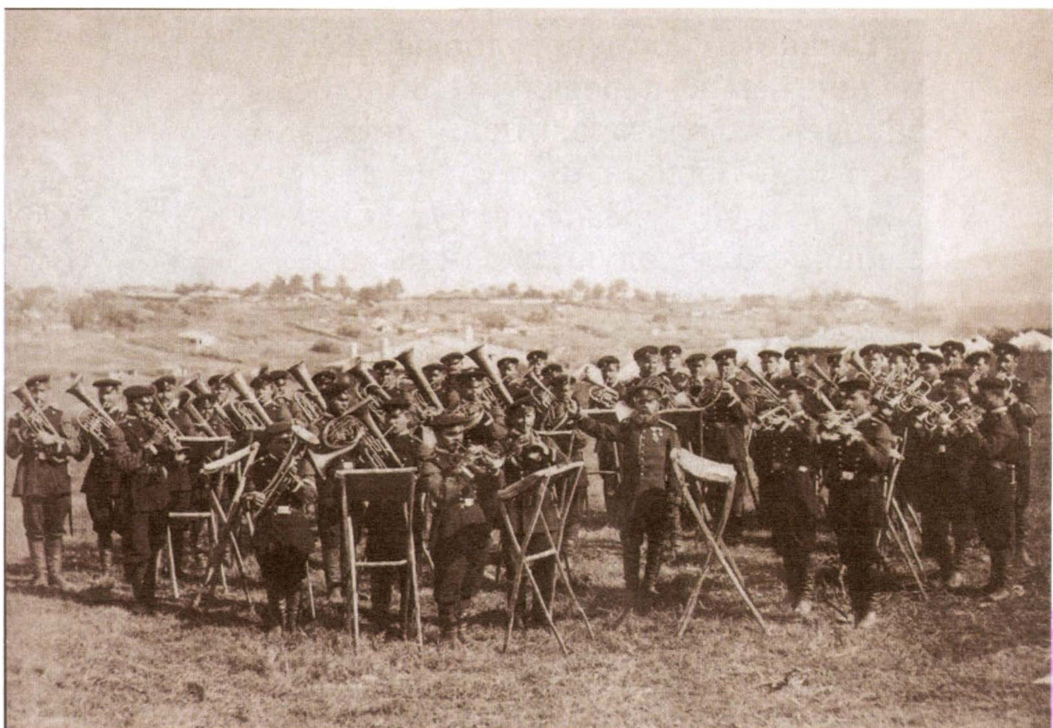

чтобы атаковать основные силы противника в Софии и Филиппополе.

Гурко, получив известие о выступлении из-под Плевны новых сил, поступающих в его распоряжение, отправил им предписание: немедленно идти форсированным маршем на Орхание. Но колонна подтянулась лишь к 10-му, а с продовольствием только к 12 декабря. Движение колонн было замедлено артиллерией и обозами, которые по обледеневшей дороге не могли поспеть за войсками. Лошади, тащившие орудия и зарядные ящики по скользкому, словно стекло, шоссе, ежеминутно спотыкались, падали, выбивались из сил и при малейшем подъёме в гору отказывались идти. Дело кончилось тем, что самим солдатам пришлось везти на себе весь груз.

План Гурко для перехода через Балканы был основан на следующем

соображении: не идти напролом на турецкие укрепления, а обойти их. Решено было прибегнуть к двойному обходу левого и правого флангов противника. Были сформированы три колонны. Авангард и основные силы должны были двигаться через Врачешский перевал в обход неприятельских сил у Араб-Конак и выйти в Софийскую долину у деревни Чурьяк. Правой колонне следовало идти через перевал Умургач и выйти на Софийское шоссе. Третьей колонне — двигаться из Этрополя через Баба-гору в обход противника у перевала Шандорник. Движение назначено на 13 декабря. Приготовления и поход должны были пройти тайно от турок, поэтому войскам, что стояли против турецких укреплений, было предписано провести демонстрацию атаки и сковать вражеские силы.

Гвардейский духовой оркестр играет перед марширующими частями на параде в честь взятия Плевны.

13 декабря в морозное, туманное утро войска стали собираться на шоссе. Мороз доходил до 18 градусов. Некоторое время авангард шёл по шоссе, а потом свернул на старую Софийскую дорогу, которая со временем превратилась в тропинку. Подъём в гору был тяжёлым. Вследствие оттепелей, а потом морозов образовалась гололедица. Движение орудий на лошадях стало невозможным. Пехота вновь превратилась в рабочую силу, и начался тяжёлый, утомительный труд. Усталые, измождённые люди скользили, падали, и орудие, поднятое на несколько метров, катилось вниз. Тогда спешно закреплялись лямки за деревья, подкладывались под колёса камни и общими усилиями груз удерживался на месте. Колонна медленно ползла на гору. День наступил ясный, солнечный и нехолодный. Гурко счёл это хорошим предзнаменованием: все выигранные им в Болгарии битвы сопровождались солнечным блеском и тёплой погодой.

Только к ночи передовые части поднялись к перевалу. Пришлось заночевать на горе. Люди целыми партиями падали в снег, не выпуская из рук верёвок, и тут же засыпали. На следующий день утомлённую пехоту сменили гвардейцы, и орудия споро[28] пошли вверх со свистом, гиканьем, под «Дубинушку». К вечеру авангард начал спускаться с перевала. Было уже темно, вьюга била в лицо мелким снегом, но гвардейцы шли весело. Внизу уже горели огоньки селения Чурьяк, лежавшего в низине, которая соединялась с Софийской долиной. Русские были уже за Балканами. Вместо запланированных суток авангард и основные силы шли почти два дня и две ночи. Правой колонне досталось больше всего. Только через четверо суток она добралась до места. Третья колонна не смогла пройти Баба-гору из-за глубокого снега, в котором вязли люди, лошади и пушки. Пришлось возвращаться в Этрополь и оттуда идти через Златицкий перевал.

Во время похода Гурко всем подавал пример выносливости, бодрости и энергии. Он наравне с рядовыми делил все трудности перехода: лично руководил подъёмом и спуском артиллерии по обледенелым горным тропам, подбадривал солдат живым словом, ночевал с ними у костров под открытым небом, довольствовался, как и они, сухарями. Нужны были железная суворовская воля и несокрушимая вера в себя и свои войска, чтобы преодолеть все трудности похода и не отступиться от намеченной цели.

Русский полк продвигается к Адрианополю в авангарде дествующей армии.

17 декабря генерал Гурко отправил телеграмму главнокомандующему: «После неимоверно трудного похода через снежные горы по обледенелым тропинкам, при жестоком морозе и вьюге, таща на своих плечах орудия, пролагая новые дороги, авангард Западного отряда овладел выходами из Балкан между Адрианополем[29] и Софией, а кавалерия стала уже на Софийском шоссе. Благодаря тому, что неприятель был захвачен врасплох, мы потеряли только 5 человек ранеными...»

18 декабря главные силы Гурко собрались у Чурьяка. Теперь появи-

[28] Споро — здесь: быстро.

[29] Адрианополь (турецк. Эдирне) — город и район на северо-западе Турции, административный центр ила Эдирне. Расположен в европейской части страны, на реке Марица на границе с Грецией, в 20 км от границы с Болгарией.

Падение турецкого гарнизона.

лась возможность перейти в наступление на Софию. Турки спешно укрепляли тылы горных крепостей, избрав для этого возвышенности у селения Ташкисен. Там на гребне они возвели редуты и фортификационные сооружения.

19 декабря Гурко, как обычно, предпринял обходные маневры против левого и правого флангов противника. С утра началась артиллерийская канонада. В это время пехота вышла вперёд и залегла. В 13 часов в одном из турецких редутов раздался взрыв. Взорвались боеприпасы. А в 14 часов русские пошли в атаку. Они шли с барабанным боем по длинным крутым скатам, поросшим редким лесом и покрытым глубоким снегом, под сильным ружейным огнём противника. Подойдя к подошве горы, люди стали карабкаться вверх, потом, немного отдохнув, с криком «ура!» поднялись и бросились вперёд. Турки

Пленного Осман-пашу представляют Александру II в день падения Плевны.

не выдержали и отошли, стараясь удержаться на втором гребне, но и оттуда были выбиты. К 15 часам неприятельские позиции были в руках российских войск.

20 декабря турки тайно покинули укрепления Араб-Конак и Шандорник, и русские части, что стояли против них, 21-го числа присоединились к отряду Гурко. Позднее подошли войска, которые спустились со Златицкого перевала. Впереди была София.

Жители Тырново встречают освободителей.

20 декабря главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич в отчёте писал своему брату Александру Второму: «Имея в виду те невероятные трудности, с которыми сопряжён в настоящее время переход через горы, по заваленным снегом и обледенелым дорогам, я сильно опасался, что предположенный переход через Балканы будет, пожалуй, невозможен. Но, слава Богу, начало сделано: железная воля и образцовая распорядительность генерал-адъютанта Гурко и беспримерное мужество, терпение и усердие войск преодолели препятствия, так же как славные предки наши во времена Суворова».

Турки ещё пытались обороняться. 20 декабря они превосходящими в три раза силами окружили с трёх сторон и атаковали русский заслон у Горного-Бугарова. Русские подпустили их на 50 шагов, дали залп и ударили в штыки. После кровопролитного рукопашного боя, в котором русские захватили знамя, враг был отброшен и, оставив на месте более 1000 тел, отошёл к Софии. Русские преследовали его.

21 декабря у деревни Враждевна, защищая мост через реку Искер в 8-ми километрах от Софии, противник оказал сопротивление отряду Гурко. Генерал предпринял обходной маневр по льду, турки не выдержали, подожгли мост и бежали.

22 декабря Гурко лично произвёл разведку неприятельских укреплений под Софией, подвергаясь при этом большой опасности, так как со своей незначительной свитой очутился в тылу расположений противника. На следующий день русские были готовы наступать на Софию. Однако комендант софийского гарнизона, предвидя окружение, решил оставить город и отступить по единственному свободному пути на юг. Весь вечер и всю ночь продолжалось паническое бегство турок.

23 декабря генерал Гурко въехал в Софию. Войска шли с распущенными знамёнами по узким, кривым улицам города среди толпы людей, встречавших победителей с восторгом. Жители целовались с солдатами, предлагали им хлеб, женщины бросали миртовые ветви, и всюду раздавались крики: «Ура!», «Здорово, братушки!»

С занятием Софии великий акт перехода через Балканы зимой, несмотря на все ожидавшиеся и встреченные препятствия, был блистательно завершён. Счастье и радость по поводу окончания этого трудного дела, произведшего потрясающее впечатление на турок и поразившего всю Европу, не ожидавшую ничего подобного, овладело каждым участником этого события от рядового до начальника отряда. Чувства эти выразились в приказе, в котором генерал Гурко 25 декабря благодарил свои войска и отметил: «... Стойкость ваша, твёрдость в перенесении трудов и лишений и поразительные труды и терпение составят удивление всех, кто глянет на эти дикие горы...

Занятием Софии окончился этот блестящий период настоящей компании — переход через Балканы, в котором не знаешь, чему более удивляться: храбрости и мужеству вашему в боях с неприятелем, или

София встречает русскую армию 23 декабря 1877 года.

Великий князь Николай Николаевич в Софии после её освобождения.

же стойкости и терпению в перенесении тяжёлых трудов в борьбе с горами, морозами и глубокими снегами.

Пройдут годы и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей».

Недолго пришлось войскам отдыхать в Софии. Уже 25 декабря был отдан приказ о сформировании четырёх колонн для предстоявших действий, и в тот же день была издана диспозиция для наступления на Татар-Базарджик[30]. Первая часть выступила уже 25 декабря, а остальные двинулись между 26-м и 30-м декабря. Военные действия были перенесены в южную Болгарию. И русские войска двинулись далее по тому направлению, по которому некогда двигались македонские фаланги, римские легионы

[30] Татар-Базарджик (по-болгарски также Коница) — город в Восточной Румелии (Восточные Балканы), на реке Марица и на железнодорожной линии Адрианополь-Саламбе, на высоте 205 м.

и ополчения крестоносцев, имея впереди отдалённую и заманчивую цель — Константинополь.

Но пока Гурко вёл свой отряд на неприятеля, другие части русской армии перешли Шипкинский перевал, спустились в Казанлыкскую долину и грозились отрезать турок от Филиппополя[31] и Адрианополя. Поэтому Сулейману-паше ничего не оставалось, как поспешно отводить свои войска к Адрианополю. Поэтому перед Гурко оказался не обороняющийся, а отступающий противник, которого надо было преследовать и разбить, прежде чем он достигнет Адрианополя.

1 января русские догнали турок у селения Татар-Базарджик. Сорокатысячный отряд Сулеймана-паши отступил без боя и пошёл к Филиппополю. Гурко отдал приказание: идти параллельно движению турок, обогнать их колонну и, двинувшись наперерез, стать поперёк их дороги.

Весь день 2-го января три русские и вся турецкая колонны двигались параллельно друг другу на расстоянии полкилометра по обе стороны реки Марица. Ни русские, ни турки не открывали огонь. Противники шли молча, напрягая все силы, каждый старался перегнать другого. Четвёртая русская колонна преследовала турок по пятам, терзала их «хвост» кавалерийскими набегами и артиллерийским огнём.

3-го января первая русская колонна значительно опередила турецкую, перешла реку вброд и ударила сбоку по врагу. Вторая и третья пошли дальше. Их задача была обойти голову турецкой колонны.

Пойманный неприятель решил не сдаваться, и целый день не стихал огонь артиллерии и пехоты, принимавший минутами чудовищные размеры.

В тот же день и вторая русская колонна обошла турок, перешла Марицу и бросилась в атаку. Противник выставил заслон, а его основные силы двигались дальше. Русская артиллерия выбрала позицию и начала обстрел.

В ночь с 3-го на 4-ое января город Филиппополь был занят русскими частями. Турецкий гарнизон бежал. 4 января Гурко въехал в город, но не стал в нём останавливаться. Бой в окрестностях Филиппополя не прекращался. Третья колонна российских войск перешла реку и обогнула голову турецкого войска. Растянувшаяся на несколько километров вражеская армия в несколько приёмов была раздроблена, остановлена в своём движении, отрезана от пути на Адрианополь, прижата к Родопским горам. Все дни, 3, 4 и 5 января, не стихало сражение. Турки яростно отбивались. Они не хотели сдаваться в плен и отказались сложить

[31] Филиппополь (ныне Пловдив) — второй по величине город Болгарии, административный центр Пловдивской области. Расположен в южной части страны. Старше Рима, Афин, Карфагена и Константинополя. Известен с 342 г. до н.э., одновременно назывался Одрис, в период Римской империи — Тримонтий («Город трёх холмов»), в Средневековье — Пылдин, под властью турок — Филибе.

Заключение мира с Турцией в Сан-Стефано.

оружие. Почувствовав себя окружённым, неприятель постарался пробиться, отыскать себе свободный выход. В течение трёх дней турки безуспешно метались во все стороны, то взбираясь с орудиями на скалы и обстреливая оттуда русские колонны, то дико бросаясь с гор в атаку. В конце концов, они были разбиты, оставшиеся в живых бежали в горы.

Гибелью сорокатысячной армии Сулеймана-паши завершился значительный период деятельности отряда генерала Гурко. Неприятель, бывший перед ним в Горном Дубняке, на Балканах, за Балканами, более не существовал. Он был рассеян и последовательно уничтожен длинным рядом то кровавых, то тяжёлых, но успешных маневров в горах и последним усиленным преследованием на равнинах реки Марица. После Филиппополя отряд Гурко соединился с основными силами русской армии, перешедшими Балканы на Шипке, и вместе с ними двинулся к Адрианополю.

8 января русские вошли в Адрианополь без боя. 13 января туда прибыл Гурко. На железнодорожной станции его встречал почётный караул с военной музыкой и барабанным боем.

14 января в Адрианополь приехал главнокомандующий. Его приветствовал с докладом Гурко. Великий князь обнял генерала и поблагодарил за одержанные победы. В тот же день он с горечью сообщил Гурко, что от императора пришла телеграмма с приказом остановить войска до особого распоряжения. Всем стало понятно: никакого распоряжения впредь не последует.

19 января в небольшом городке Сан-Стефано близ Константинополя был заключён мир между Россией и Турцией. Русская армия стояла в нескольких километрах от турецкой столицы.

***

За зимний поход через Балканы Гурко был награждён орденом Святого Георгия 2-ой степени, а по итогам кампании ему присвоили звание генерал от кавалерии.

После Русско-турецкой войны Гурко занимал крупные административные и военные посты. Помощ-

А.И. Барятинский.

И.Ф. Паскевич.

ник главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, генерал-губернатор Санкт-Петербурга, Одесский генерал-губернатор и командующий Одесским военным округом, Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского округа. В 1894 году он вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала, который ему дали «в воздаяние важных заслуг, оказанных престолу и отечеству, особенно в последнюю турецкую войну».

Можно отметить, что в русской армии было всего 64 генерал-фельдмаршала, но за боевые заслуги этот высший воинский чин имело 12 человек, среди них Иосиф Владимирович Гурко. Стоит перечислить этих великих полководцев: Барклай-де-Толли, Барятинский[32], Долгорукий[33], Гурко, Кутузов, Меньшиков[34], Паскевич[35], Потёмкин, Румянцев, Салтыков[36], Суворов, Шереметьев[37].

[32] Барятинский Александр Иванович (1815—1879), князь, русский государственный и военный деятель.

[33] Долгорукий Василий Владимирович (1667—1746), русский военачальник, участник Северной войны 1700—1721 годов.

[34] Меньшиков Алексадр Данилович (1673—1729), граф (1702), князь (1705), русский государственный и военный деятель, ближайший сподвижник и фаворит Петра I.

[35] Паскевич Иван Фёдорович (1782—1856), русский полководец и государственный деятель. Один из четырёх полных кавалеров ордена Святого Георгия.

[36] Салтыков Пётр Семёнович (1725—1772), граф, главнокомандующий русской армии в 1759—60-х гг., с чьим именем связаны наиболее крупные успехи русской армии в Семилетней войне.

[37] Шереметьев Борис Петрович (1652—1719), граф (1706), русский полководец, дипломат.

А.Д. Меньшиков.

В 1896 году И.В. Гурко был награждён орденом Святого Андрея Первозванного.

Иосиф Владимирович Гурко скончался в 1901 г. в своём имении Сахарово (Тверская губерния, ныне Тверская область; в настоящее время здесь находится Музей-усыпальница И.В. Гурко).

Его любили солдаты, уважали офицеры, ценили императоры. Стройный, худощавый, с большими седыми бакенбардами, Гурко держался так, что казался выше ростом всех окружавших его лиц, а своей кипучей деятельностью, выносливостью и кавалерийской лихостью — всех моложе. Он мало говорил, никогда не спорил и казался непроницаемым в своих мыслях. От всей его фигуры и взгляда острых, серых и глубоких глаз веяло подавляющей несокрушимой внутренней силой.

В Болгарии Гурко превратился в национального героя, чья память увековечена в названиях улиц и городов. В Советском Союзе он удостоился небольшого гранитного обелиска, в 1983 году установленного в Твери. На его родине, в Беларуси, его имя не отмечено нигде. Но есть надежда, что пройдут годы и память об И.В.Гурко будет увековечена на его Родине.

Музей-усыпальница И.В. Гурко в д. Сахарово Тверской области.

Памятник И.В. Гурко в Софии.

Научно-популярное издание

История для школьников

Чудов Валерий Иванович

БЕЛОРУССКИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

Редактор С.И. Молчан

Художественное оформление
и компьютерная вёрстка: Д.В. Гореликов

Подписано в печать 28.10.2015.
Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 5,82.
Тираж 1500 экз. Заказ 2743.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки»
Министерства информации Республики Беларусь.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/1 от 08.07.2013.
Пер. Калинина, 16, 220012, г. Минск, Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.